

ХЕЛЕН ГУДА
АГНИЯ СКАЗКА

БОЛЬНИЦА ДЛЯ БЕДНЫХ.
ПОПАДАНКА
ВСЕХ ВЫЛЕЧИТ

Хелен Гуда

**Больница для бедных.
Попаданка всех вылечит**

«Литнет»

2026

Гуда Х.

Больница для бедных. Попаданка всех вылечит / Х. Гуда —
«Литнет», 2026

Попасть в тело юной аристократки — кажущаяся удача. Но скрывать, что в прошлой жизни я была врачом, — настоящее испытание. Спасая жизнь сыну герцога, я невольно выдала себя. Теперь его пронзительный взгляд видит слишком много, а вверенная мне заброшенная лечебница — не награда, а хитроумная ловушка. Как мне, страстно желающей вернуться к медицине, пройти эту проверку и остаться собой, если каждое его приближение — одновременно самая большая угроза разоблачения и единственная надежда на спасение? Книга участвует в мобе Вторая жизнь лекаря 18+

© Гуда Х., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1.	8
Глава 2.	14
Глава 3.	20
Глава 4.	26
Глава 5.	31
Глава 6.	37
Глава 7.	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Пролог

— Пациент №314, Нина Терентьева. Женщина сорока пяти лет, паралич вследствие травмы шейного отдела позвоночника. Переведена в отделение нейрореабилитации после ДТП три года назад, — голос врача звучал монотонно. Он, мой лечащий врач, уже уже много раз повторял эту фразу для студентов и выучил ее назубок.

Семинар наконец закончился. Студенты с тихим перешёптыванием и жалостливыми взглядами покинули палату, оставив меня наедине с тишиной и знакомым потолком. Я могла бы переживать эту тишину как одиночество, но уже давно научилась растворяться в ней, уходя вглубь себя, где не было звука мониторов, запаха антисептика и тяжести собственного тела.

Сегодняшняя тишина была недолгой.

Первой пришла мама. Анна Степановна поставила на тумбочку скромный букетик поздних осенних астр.

— Доченька, — её голос, всегда чуть дрожащий, сегодня был особенно беззащитным. — Наташа вот обещала зайти. Сказала, не может не провести.

Словно по сигналу, в дверях появилась Наташа. Моя подруга и коллега со старой работы. В её руках была не стерильная гроздь хризантем из ближайшего ларька, а одинокая, но прекрасная белая роза — такая, какие мы с ней любили. Она выглядела постаревшей и уставшей, но в её взгляде не было той растерянной жалости, которая была у всех. Была профессиональная, врачебная ясность и глубокая, личная грусть.

— Здравствуйте, Анна Степановна, — тихо сказала Наташа, кладя цветок рядом с маминим букетом. Она подошла ко мне, уверенно поправила угол подушки, провела ладонью по моему запястью, проверяя пульс привычным движением. — Нинуля, как ты? — Это был не риторический вопрос близких, а точный, профессиональный, обращённый ко мне, а не к моей оболочке.

— Как она может быть? — мама не выдержала, и голос её сорвался. — Консилиум был сегодня. Три года... Три года! И всё то же. «Персистирующее состояние». «Поддерживающая терапия». Никаких прогнозов. Только ждать. Но разве можно просто ждать? — Она схватилась за край моего одеяла, её костяшки побелели. — Я верю, Наташенька. Верю, что ей ещё не всё отмерено. Что должно случиться чудо, какое-то равновесие должно восстановиться...

Наташа посмотрела на маму, потом снова на меня. В её глазах я прочитала всё, что она не решалась сказать вслух. Она, проработавшая двадцать лет в реанимации, не верила в чудеса. Она верила в цифры на мониторах, в показатели анализов, в безжалостную статистику. Она видела, какую жизнь — вернее, какое существование — эти аппараты поддерживали во мне. Я чувствовала её молчаливый вопрос, обращённый ко мне самой: «Тебе же тяжело? Ты же устала?»

И в ответ я могла послать лишь одну мысленную волну, один сплошной, немой крик: Да.

— Анна Степановна, — наконец проговорила Наташа, с трудом подбирая слова. — Вы должны беречь себя. Вы — её опора. Но и... нужно думать о том, что для Нины лучше. Иногда продолжать борьбу — это мужество. А иногда... остановить её — это милосердие.

Мама зарыдала, уткнувшись лицом в мою неподвижную ладонь. Наташа обняла её за плечи, тихо что-то шепча. В этот момент в палату вошёл он.

Сергей

Он казался чужеродным элементом в этой сцене женского горя. Он был в своём обычном пальто, но на лице его не было привычной за последний год отстранённости. Была какая-то леденящая решимость. Он молча кивнул Наташе и моей матери.

— Я... мы пойдём, — быстро сказала Наташа, словно поняв всё с полувзгляда. Она мягко, но настойчиво увела маму, которая, обернувшись, посмотрела на Сергея не с упрёком, а с бездонной, всепонимающей тоской. Дверь тихо закрылась.

Он не подошёл сразу. Постоял у порога, снял перчатки, медленно, будто собираясь с мыслями для важного выступления. Потом подошёл к кровати, но не сел. Взглянул на меня и сразу отвёл глаза – в них не было боли, скорее какое-то раздражение. Как будто моё неподвижное тело было ему упрёком, неудобной мебелью, которую некуда деть.

— Нина, — начал он. Голос был не тихим и не нежным. Он был ровным, деловым, с металлическим отзвуком усталости. — Надо поговорить. По-честному. Я больше не могу это тянуть.

Он засунул руки в карманы, покрутил плечами, скидывая невидимое напряжение.

— Три года. Ты думаешь, это легко? Каждый день – эта больница, этот запах, эти взгляды. «Бедный Сергей, как он держится». Держусь, блин. А жить-то когда? Мне сорок восемь. Не старик ещё. А жизнь проходит мимо. Всё, что у нас было, — оно закончилось в то утро. Осталось вот это, — он мотнул головой в мою сторону, даже не глядя. — И ничего больше не будет.

Он начал похаживать по маленькой палате, его шаги были резкими, отрывистыми.

— Я устал, Нина. До чёртиков. Устал от надежд, которые не сбываются. От врачей, которые разводят руками. От твоей матери с её вечными «авось да как-нибудь». Я хочу жить, понимаешь? Не существовать, как ты, а жить. Дышать полной грудью. Смеяться. Ездить куда-то. Завести... — он запнулся, но не из деликатности, а словно проверяя, можно ли уже выложить всё. Решил, что можно. — Завести детей. Я всегда хотел детей. Мы с тобой хотели. Но теперь... с тобой этого не будет. А у меня ещё может.

В его голосе прозвучала неприкрытая, эгоистичная жажда этой другой, возможной жизни. И в этот момент ко мне впервые за три года прокралась не боль, не тоска, а холодная, ясная волна антипатии.

— Да, я встретил женщину, — выпалил он, будто сбрасывая камень. — Молодую. Здоровую. Она не боится будущего. Она хочет того же, чего и я. И я хочу этого с ней. Но я не свободен. Я прикован к этой палате, к этой койке, к тебе. Бумажно, морально, как угодно.

Он остановился напротив меня, и теперь его взгляд стал выжидающим, почти обвиняющим.

— Я думал о разводе. Подать и всё. Но меня тогда сожрут. Все. Твоя мать, Наташа, все эти наши «друзья». «Бросил больную жену, тварь». «Выгодно ему, пока она жива – нельзя, а как умрёт...». Знаешь, что они шепчут? Что я жду твоей смерти. Что мне только этого и нужно. И они правы! — он почти крикнул, и в его глазах вспыхнула озлобленность. — Да, я этого жду! Это моё освобождение! Но ждать можно до бесконечности! Эти аппараты могут тянуть тебя ещё десять лет! И что, я должен десять лет ставить свою жизнь на паузу? Из-за какого-то призрака? Из-за пустой оболочки?

Его слова били по мне, как камни. Они не несли прежней боли от потери любви. Они несли унижительное, леденящее презрение к моему существованию. Я была не его трагедией, а его проблемой. Помехой.

— Так что никакого развода, — он понизил голос, и в нём зазвучала нечеловеческая, отталкивающая решимость. — Я не позволю им сделать из меня монстра. Не позволю себе застрять в этом аду из чувства долга, в котором уже даже долга нет. Осталась одна досада.

Он сделал шаг к розетке. Его движения теперь не были похожи на жест милосердия хирурга. Они были быстрыми, практичными, как у человека, который наконец-то нашёл способ избавиться от надоевшей помехи.

— Я устал мучиться. И устал смотреть, как мучаешься ты. Пора заканчивать этот фарс. Не было паузы. Не было последнего взгляда. Просто лёгкий, сухой щелчок.

Шипение воздуха прекратилось. Пронзительная пищалка монитора затихла, словно захлебнувшись. Тишина, наступившая после, была иной. Не благодатной и освобождающей, а пустой и горькой. Как после скандала.

Сергей не вернулся к моей кровати. Не взял мою руку. Он постоял несколько секунд, глядя на замолкший аппарат, его плечи распрямились, будто с них свалился огромный груз. Он глубоко, с облегчением выдохнул.

— Всё, — произнёс он в пустоту, и в этом слове не было ни скорби, ни сожаления. Только констатация. Дело сделано. Препятствие устранено.

Он повернулся и вышел. Не оглядываясь. Его шаги в коридоре звучали быстро и легко.

А я... Я не чувствовала благодарности. Не чувствовала освобождения как милости. Сквозь накатывающую тьму и долгожданное избавление от мук пробивалось одно острое, последнее чувство – презрение. Холодное, беззвучное презрение к тому, кто пришёл не избавить меня от страданий, а освободить от меня свою жизнь. И в этом, последнем акте, он навсегда остался не мужем, совершившим тяжкий акт милосердия, а просто уставшим, себялюбивым человеком, который выбрал самый удобный для себя выход.

И тьма нахлынула, смывая и его, и всё остальное. А потом был свет.

Глава 1.

Свежий ветерок сулил прохладу, но до меня он добирался слабым, измученным дуновением, застряв в корсете и слоях батиста. Я стояла у резной балюстрады, чувствуя себя не отдыхающей, а заложницей собственного гардероба.

— Дышать вообще нечем, — проворчала я себе под нос, отчаянно обмахиваясь крошечным кружевным веером. Он был бесполезен, как зонтик от солнца в подземелье. Чистая декорация, призванная подчеркнуть «изящество» и «скромность» юной мисс Нинель Торнс. — Я не доживу, когда в этом мире придумают кондиционер.

— Что вы сказали?

Голос прозвучал прямо за спиной — спокойный, низкий, женский. Я вздрогнула и резко обернулась, сердце колотясь где-то в районе ущемлённого корсетом горла, готово было выскочить из груди от испуга. Позади, на скамейке в тени олеандра, сидела леди. Её шелковое платье, хоть и дорогое, было ещё более закрытым, чем моё, но на её лице не было и тени дискомфорта. Она смотрела на меня внимательным, изучающим взглядом. Скрыться за недопониманием было невозможно — она слышала всё отчётливо.

— Я... — голос мой предательски задрожал, превратившись в блеяние. Мысли, обычно вертлявые, встали колом.

— Повторите, что вы сказали про этот мир и кондиционер? — она не повышала тона, но в её вопросе чувствовалась стальная нить.

Паника застучала в висках. «Проваливай, Нина, проваливай сейчас же!» — кричал внутренний голос. Но ноги не слушались.

— Я... просто... — язык заплетался. Хорошо подготовленная к светским беседам Нинель Торнс растворилась, оставив на растерзание растерянную Нину.

Леди откинулась на спинку скамьи. Её взгляд, однако, не выражал ни ужаса, ни праведного гнева. Скорее, острое любопытство, приправленное лёгкой досадой.

— Вы попали сюда из другого мира? С Земли? — спросила она прямо, без предисловий.

Вопрос повис в воздухе, такой невероятный и в то же время единственно логичный. Я открыла рот, чтобы снова запинаться, но под её взглядом ложь показалась не просто бесполезной, а оскорбительно глупой.

Я медленно кивнула, не в силах вымолвить слово.

Молодая леди вздохнула. Но это был не вздох разочарования.

— Что же вы «просто»? — в её голосе зазвучало строгое, почти материнское неодобрение. — Впредь будьте осмотрительнее. На моём месте мог оказаться кто угодно. Ваши слова могли быть истолкованы превратно, и последствия для вас были бы... крайне неприятными. Вы же знаете, что происходит с иномирянками?

Она сердилась. Но, что поразительно, сердилась не на моё происхождение, а на мою вопиющую неосторожность. Это открытие было подобно глотку того самого свежего воздуха.

— Впредь я буду осмотрительнее, — выдохнула я, обретая дар речи. Любопытство перебило страх. Я бросила взгляд на свободное место на скамье. — Вы позволите? Меня... здесь зовут Нинель Торнс.

— Леди Агата, — представилась она, кивком разрешая сесть. — И вам стоит постараться забыть, как вас звали прежде. Вы всегда и везде — Нинель Торнс. По крайней мере, до замужества.

Последние слова она произнесла с лёгкой, снисходительной улыбкой, как констатацию очевидного факта.

— Но я не хочу замуж, — вырвалось у меня с искренним, юношеским возмущением, которое я уже не могла сдержать.

Леди Агата подняла бровь. В её глазах мелькнула лукавая искорка, словно она услышала наивный, но забавный вопрос.

— Этот мир не так снисходителен к старым девам, как ваша прежняя родина, — мягко, но твёрдо сказала она. — Неужели вы хотите стать изгоем? Получить вечное осуждение общества? Это ведь не самый приятный удел.

Её тон был мягким, но вопрос висел в воздухе, полный невысказанных последствий.

— А вы... — я рискнула взглянуть на неё прямо. — Вы вышли замуж, чтобы не стать изгоем?

Её лицо озарила тёплая, нежная улыбка, полностью преобразив строгие черты.

— Нет, — ответила она просто. — Мне повезло. Я вышла замуж по любви.

В этот момент её взгляд скользнул за мою спину, и в нём вспыхнуло такое яркое, безудержное обожание, что стало ясно — она не лжёт.

— Вот вы где, моя дорогая. Я вас повсюду искал.

Позади меня оказался мужчина. Высокий, с благородными чертами лица и спокойными глазами, которые сейчас смотрели только на леди Агату с той же безраздельной преданностью.

— В бальном зале было невыносимо душно, я вышла подышать и встретила мисс Торнс, — объяснила леди, протягивая ему руку. Он мгновенно принял её, помогая встать с той почти-тальной нежностью, которая говорит о глубокой привязанности.

Когда она поднялась, складки платья расправились, обтянув аккуратный, округлый живот. Супруг леди Агаты положил на него свободную руку с таким естественным, бережным жестом, что у меня ёкнуло сердце от чего-то похожего на зависть и умиление одновременно.

— Прости, что заставил тебя скучать. Дела, которые нужно было завершить перед нашей поездкой, — в его голосе звучало искреннее раскаяние. Он поднёс её руку к губам.

— Я не скучала, — успокоила его леди Агата, и её взгляд снова обратился ко мне. — Кстати, позволь представить: мисс Нинель Торнс. Дорогой, я подумываю пригласить её с нами на взморье в качестве моей компаньонки. Как ты смотришь на это?

Я замерла, не веря своим ушам. Пять минут знакомства — и такое предложение?

— Благодарю, но... — я замялась, представляя кислые лица мистера и миссис Хилл. — Мои опекуны... Вряд ли они смогут оплатить такую поездку. Они привезли меня сюда только для того, чтобы... поскорее сбыть с рук.

Лорд Хествил мягко улыбнулся, и в его улыбке не было и тени насмешки.

— Если моя жена приглашает вас как свою компаньонку, то, разумеется, все расходы — за наш счёт, — сказал он, доставая из кармана жилета аккуратную визитную карточку. — Завтра, в двенадцать, мы будем рады видеть вас и ваших опекунов у нас на чаепитии. Чтобы обсудить детали и познакомиться поближе.

Я, почти на автомате, сделала реверанс (спасибо, мышечная память Нинель) и взяла карточку, как драгоценность.

— Хорошего вам вечера, Нинель, — ласково сказала леди Агата, и пара, сплетясь руками, удалилась по набережной, погружённая в свой тихий, счастливый мир.

Я же стояла, сжимая в пальцах твёрдый картон, где были выведены изящным шрифтом имя и адрес. В груди бушевала буря из недоверия, надежды и страха. Неужели это... шанс? Шанс вырваться из-под крыла опекунов, чья «забота» была тоньше паутины и горше полыни? Миссис Хилл с её вечными упрёками и подсчётом каждой потраченной на меня монеты наверняка будет в восторге от возможности избавиться от обузы даром. Загадкой оставалось лишь одно: зачем они вообще взяли на себя эту опеку, если их переполняла такая неприкрытая антипатия?

С последним взглядом на удаляющиеся фигуры лорда и леди, я повернулась и, подбирая тяжёлые складки платья, пошла на поиски своей «благодетельницы». Пора сообщить старухе радостную новость. Её мечта сбывается — от меня избавляются раньше срока.

Я застала миссис Хилл в салоне отеля, где она с важным видом потягивала чай, обмениваясь с соседкой по столу сплетнями, которые были слышны на весь зал. При моём приближении её длинное, лошадиное лицо вытянулось ещё больше, приняв выражение предсказуемого недовольства.

— Нинель, наконец-то. Где ты пропадала? Приличия... — начала она заученным тоном.

Я не дала ей разойтись. Положив на стол рядом с её чашкой белоснежную визитную карточку, я произнесла как можно более бесстрастно: — Леди Агата и ее супруг лорд Грэм приглашают нас с вами на чаепитие завтра в двенадцать. Они предлагают мне стать компаньонкой леди на время их поездки на взморье.

Тишина, которая воцарилась, была звонкой. Соседка замерла с печеньем на полпути ко рту. Миссис Хилл уставилась на карточку, будто та была отравленной змеей.

— Компаньонкой? — наконец выдавила она, и в её голосе зазвенела сталь, которую она обычно приберегала для горничных. — Ты с ума сошла, девочка? Или они? Компаньонка — это прислуга. Облагороженная, но прислуга! Ты — Нинель Торнс, пусть и без гроша за душой, но знатного рода. Твоё место — выйти замуж, а не прислуживать чужим жёнам!

Она говорила громко, с пафосом, явно рассчитывая на публику. Её щёки покрылись нездоровым румянцем.

— Но, миссис Хилл, — попыталась я вставить слово, сохраняя покорный тон, — это возможность...

— Возможность опозорить своё имя! — перебила она, ударив ладонью по столу так, что фарфар звякнул. — Я не для того вытаскивала тебя из той лачуги, тратила средства на приличные платья и везла на этот курорт, чтобы ты скатилась до положения служанки! Что подумают люди? Что мы так обнищали, что родственница миссис Хилл вынуждена идти в компаньонки? Это немыслимо!

Она произносила слово «компаньонка» с таким презрением, будто это было что-то грязное и низменное. В её глазах горел не просто гнев, а настоящая ярость, иррациональная и пугающая. Тут было нечто большее, чем просто беспокойство о репутации.

— Они берут все расходы на себя, — тихо, но чётко добавила я, пытаясь найти её слабое место. — Это избавит вас от дальнейших трат на моё содержание.

Этот аргумент, который, как мне казалось, должен был её смягчить, возымел обратный эффект. Её глаза сузились до щелочек.

— А, так вот оно что! — прошипела она, понизив голос, но от этого её слова стали только ядовитее. — Думаешь, я не вижу, куда ты клонишь? Хочешь сбежать. Смыться из-под нашей опеки, пока мы не пристроили тебя как следует. Нашла себе богатых покровителей, да? Думаешь, они тебе заменят семью? Наивная дура! Они поиграются с тобой, пока леди не наскучит, и вышвырнут, как надоевшую игрушку. А что тогда? Репутация запятнана, приданого нет, и брак с достойным человеком станет для тебя несбыточной мечтой. Ты погубишь себя и опозоришь нас!

Она говорила с такой убеждёностью, с таким жаром, что на мгновение я и сама усомнилась. А что, если она права в своём цинизме? Но тут я вспомнила взгляд леди Агаты — не осуждающий, а предостерегающий. Взгляд её мужа — спокойный и благородный. Нет, это было иное.

— Миссис Хилл, — сказала я, поднимаясь. Голос мой, к моему удивлению, звучал твёрдо. — Приглашение уже сделано. Вежливость требует, чтобы мы явились на чаепитие и выслушали предложение лорда и леди Грэм. Отказывать им без веской причины — значит нанести оскорбление, последствия которого для вашего положения в обществе могут быть куда серьезнее, чем если бы ваша бедная родственница стала компаньонкой в благородном доме.

Я видела, как мои слова попали в цель. Мысль о возможном оскорблении влиятельных аристократов заставила её побледнеть. Её алчность и страх перед социальным падением вступили в короткую, яростную схватку.

— Ты... ты неблагодарная... — прохрипела она, но запал уже выходил из неё. Она уставилась на визитку, будто пытаясь сжечь её взглядом. — Хорошо. Мы пойдём. Но только для того, чтобы вежливо отказаться. Я найду способ это сделать. Поняла? Никаких компаньонов!

Я молча кивнула, зная, что битва за это решение только начинается. Но внутри уже теплилась непоколебимая решимость. Этот шанс, этот глоток свободы и возможность быть полезной не в качестве невесты на выданье, а как человек, я не упущу. Даже если ради этого придётся вступить в открытую конфронтацию с женщиной, чья «опека» с каждым днем всё больше напоминала удушающие объятия.

Мои уважаемые и горячо любимые читатели! Приглашаю вас в наш литмоб

"Вторая жизнь лекаря"

<https://litnet.com/shrt/qnNw>"><https://litnet.com/shrt/WxK2>

13 а
ПОПАДА
БОЛЕЗНИ

13 ИСТОРИЙ,

Глава 2.

В доме лорда Грэм царила сдержанная, но безупречная роскошь. Мраморный пол в холле, высокие окна, залитые солнцем, и тишина, нарушаемая лишь мерными шагами дворецкого. Мистер и миссис Хилл, облачённые в свои лучшие, хоть и слегка вышедшие из моды наряды, казались на этой фоне выцветшими и невзрачными. Миссис Хилл нервно поправляла кружевной воротничок, её взгляд метался по дорогим гобеленам, в котором читалась смесь жадности и робости.

Нас провели в светлый салон с видом на ухоженный сад. Леди Агата, в изящном платье лавандового оттенка, уже ждала нас, сидя в кресле у камина. Лорд Грэм стоял у окна, и его спокойная, уверенная поза сразу задавала тон всей встрече. После обмена формальными приветствиями и первых глотков ароматного чая миссис Хилл, собравшись с духом, начала свою заготовленную речь.

— Мы, разумеется, бесконечно польщены вашим вниманием к нашей Нинель, — начала она слащаво, — но, как её законные опекуны, озабочены прежде всего её благополучием и будущим. Положение компаньонки... — она сделала паузу, подбирая слова, — не совсем соответствует её происхождению. Мы лелеем надежду устроить её судьбу более достойно. У нас уже есть... определённые перспективы.

— Перспективы? — мягко переспросила леди Агата, поставив фарфоровую чашку на блюдце. Звон был тихим, но отчётливым. — И каковы же эти перспективы, миссис Хилл? Вы имеете в виду мистера Гроувера?

Миссис Хилл вздрогнула, как от пощечины. Её лицо покрылось пятнами.

— Я... я не совсем понимаю, о ком вы...

— О фабриканте Гроувере, — продолжила леди Агата тем же ровным, но не оставляющим пространства для манёвра тоном. — Человеке, несомненно, состоятельном. Но, как мне известно, не имеющем ни намёка на аристократическое происхождение, да и репутация его в деловых кругах... скажем так, не безупречна. Вы планировали выдать мисс Торнс за него замуж, не так ли? За весьма солидное вознаграждение от жениха, разумеется.

В салоне повисла ледяная тишина. Мистер Хилл, до этого молчавший, закашлялся. Я смотрела на свою опекуницу, и кусочки пазла наконец сложились в отвратительную картину. Их скупость, желание поскорее «пристроить» меня, отсутствие какой-либо искренней заботы.

— Это клевета! — выкрикнула миссис Хилл, вскакивая с места. Её чашка опрокинулась, оставив на скатерти коричневое пятно. — Мы заботимся о девушке, как о родной! Мы хотим для неё стабильного, обеспеченного будущего!

— Будущего, которое вы *продаёте*, — прозвучал спокойный, весомый голос лорда Грэма. Он не спеша отошёл от окна. Его присутствие, до этого почти незаметное, внезапно заполнило собой всю комнату, наэлектризовав воздух. — Мы провели небольшие изыскания, миссис Хилл. И мистер Хилл. Ваша... деятельность стала нам известна.

Миссис Хилл замерла, уставившись на него с открытым ртом.

— Вы и ваши... партнёры, — продолжил лорд, произнося последнее слово с лёгким оттенком брезгливости, — взяли под опеку несколько сирот из благотворительных заведений за последние пять лет. Молодых девушек с более-менее приемлемой родословной, но без средств. Вы приодели их, наспех обучили манерам и «вывели в свет» с одной целью: выгодно выдать замуж, получив от женихов значительные «откупные» за ваши хлопоты. После чего благополучно забывали о своих подопечных, если те, конечно, не обращались к вам за помощью, оказавшись в бедственном положении.

Лорд Грэм сделал паузу, дав своим словам осесть.

— Это не опека. Это торговля. Торговля живыми людьми под прикрытием благотворительности.

— У вас нет доказательств! — прошипел наконец мистер Хилл, его лицо стало землистым.

— О, поверьте, есть, — лорд Грэм слегка улыбнулся, но в его глазах не было ни капли веселья. — Свидетельства нескольких из ваших бывших... подопечных. Финансовые отчёты. Переписка. Всё это, в случае необходимости, может быть предоставлено в суд. Скандал будет грандиозным. Ваше положение в обществе, и без того шаткое, будет уничтожено полностью. Вас ждёт не просто бедность, миссис Хилл. Вас ждёт бесчестье и тюрьма.

Слова падали, как удары молота. Опекуны сидели, сломленные, уничтоженные. Вся их ложь, алчность и цинизм были выставлены на свет одним бесстрастным монологом.

Леди Агата снова заговорила, и её голос теперь звучал не как обвинение, а как приговор.

— Вам предоставляется выбор. Вы немедленно и безоговорочно отказываетесь от опеки над мисс Нинель Торнс в пользу нашего дома. Все формальности будут улажены нашими юристами. Взамен мы не станем обнародовать собранные сведения. Вам будет позволено... исчезнуть. Уехать и более никогда не заниматься этим грязным ремеслом.

— А если мы откажемся? — хрипло спросил мистер Хилл, но в его тоне уже не было угрозы, лишь последняя, жалкая попытка торга.

Лорд Грэм посмотрел на него так, словно рассматривал что-то неприятное, прилипшее к подошве.

— Тогда к завтрашнему вечеру ваши имена будут на первых полосах всех газет. Выбор за вами.

Миссис Хилл беззвучно заплакала, но слёзы эти были слёзами злобы и страха, а не раскаяния. Они быстро подписали бумаги, которые тут же вынес дворецкий. Их руки дрожали.

Когда дверь салона закрылась за моими бывшими опекунами, меня охватила странная смесь головокружения и невероятного облегчения, будто с плеч свалилась гиря, которую я тащила, сама того не осознавая.

Леди Агата подошла ко мне и положила тёплую руку мне на плечо. — Прости за такой жёсткий спектакль, Нинель. Иногда яд нужно выжигать калёным железом, чтобы спасти жизнь. Теперь ты свободна. И если захочешь, мы с радостью возьмём тебя в нашу семью как компаньонку. Что скажешь?

Я вздохнула, стараясь унять дрожь в коленях. Воздух в салоне, только что наэлектризованный жестокой правдой, теперь казался чистым и лёгким.

— Благодарю вас, — выдохнула я, глядя на леди Агату. Её глаза были полны тепла и понимания, столь контрастирующего с холодным гневом минуту назад. — Я не знаю, как благодарить вас обоих. Вы не просто предложили мне выход. Вы спасли меня. И да, я с радостью и огромной благодарностью принимаю ваше предложение.

— Отлично, — улыбнулась леди Агата, и её лицо сразу преобразилось. — Мне будет приятно провести ближайшие месяцы в твоей компании. Я уверена, мы найдём много общих тем.

Я кивнула, но не могла не задать вопрос, который вертелся у меня на языке с момента нашего знакомства. Я осторожно скользнула взглядом по её округлившемуся силуэту.

— Леди Агата, простите мою бестактность, но... вы в положении. Разве поездка на взморье, пусть и в комфорте, не будет утомительной? Это же довольно долгий путь.

Она рассмеялась, лёгкий, серебристый смех.

— О, Нинель, ты сразу проявила себя как заботливая особа, это хорошо. Но не беспокойся. Мой врач уверен, что морской воздух и покой принесут только пользу. К тому же, — её взгляд стал мягким и задумчивым, — это не просто поездка. Это... возвращение в особое место. Место, где мы с лордом Грэмом впервые по-настоящему поняли друг друга. Я хочу,

чтобы наш ребёнок начал свою жизнь там, где зародилась наша любовь. Это сентиментально, не так ли?

— Это прекрасно, — искренне сказала я, и в груди что-то сжалось от нежности и какой-то странной грусти.

Мы переместились в более уютную комнату, где нам подали свежий чай и крошечные безе. Оставшись практически наедине, атмосфера стала доверительной. Леди Агата, откинувшись на спинку кресла, спросила:

— А расскажи мне о себе, Нинель. Настоящей.

Взгляд леди Агаты был открытым и умным. Она только что разгромила моих опекунов, защитив меня. Я почувствовала, что могу доверять. Не всем тайнам, но какой-то части правды.

— Это... долгая и странная история, леди Агата, — начала я осторожно.

— С удовольствием ее выслушаю, — мягко подбодрила она.

Я сделала глубокий вдох, глядя на завитки пара над чашкой.

— Я помню... другую жизнь. Совершенно иную. Там я была не молодой девушкой, а взрослой женщиной. Врачом. Я боролась за жизни других людей каждый день.

Леди Агата не перебивала, лишь её глаза чуть расширились.

— А потом... случилась авария. Я не помню подробностей. Только ощущение скорости, света, а потом — ничего. Вернее, не совсем ничего. Помню чувство, будто я зависла где-то между. Не здесь и не там. Были звуки... монотонные, механические: шипение, щелчки. И я понимала, что это моё тело ещё дышит, но лишь благодаря машинам. Что я в ловушке собственного, сломанного тела. В таком состоянии я была долго. Очень долго.

Я замолчала, собираясь с духом, чтобы произнести самое трудное.

— Ко мне приходил... человек. Мужчина. Тот, кого я любила в той жизни. Он говорил со мной, хотя и не знал, слышу ли я. Говорил о нашей жизни, о том, что нас ждало. А потом... — голос мой дрогнул, — однажды он пришёл. Сказал, что не может больше смотреть, как я медленно угасаю в этой беспомощной оболочке. Что он хочет быть счастливым, а я мешаю. И... он принял решение. Решение отключить аппараты, которые поддерживали во мне лишь подобие существования. Я спустя много лет, которые я прожила в этом мире, я жалею, что не смогла ему сказать спасибо.

В комнате стояла полная тишина.

— И ты... благодарна ему за это? — тихо спросила леди Агата, без тени осуждения, лишь с огромным интересом и сочувствием.

Я посмотрела прямо на неё, и на глаза навернулись слёзы — не горя, а освобождения.

— Да. Бесконечно. Потому что в тот момент, когда звуки машин затихли, и наступила тишина... это не было концом. Это было... освобождением. И следующим, что я узнала, был голос сиделки в воспитательном доме. Я угодила в тело юной Нинель, которую взяли под опеку чета Хилл. У меня появился шанс. Шанс прожить всё заново. И пусть в этом мире я не могу быть хирургом, я всё ещё могу... видеть. Понимать. Заботиться. Быть полезной. Ваше предложение, леди Агата, — это не просто спасение от Хиллов. Это дарованная мне вами возможность снова *жить*, а не существовать. Пусть и в совсем другой роли.

Леди Агата долго смотрела на меня. В её глазах было не смятение, а глубокая, сосредоточенная мысль.

— Вот откуда эта сила в твоём взгляде, — наконец произнесла она. — И эта... взрослость. Ты прошла через врата смерти и вернулась. Не своей прежней сущностью, но с её памятью и силой. Это не безумие, Нинель. Это чудо. Трагичное и прекрасное одновременно. И я рада, что теперь ты с нами.

Она протянула руку через стол, и я взяла её. Это был уже не жест благотельницы к подопечной, а жест понимания между двумя женщинами, каждая из которых носила в себе свою тайную глубину.

— Значит, — улыбнулась леди Агата, и в её улыбке появился лукавый огонёк, — наша поездка обещает быть куда интереснее, чем я предполагала. У меня будет компаньонка, знающая тайны тела и жизни лучше любого местного врача. Я чувствую, нам не будет скучно.

— А вы? Как вы попали в этот мир?

— Как попала? — улыбнулась леди, и её взгляд смягчился. — Хотя моя история... менее драматична, чем твоя. И куда более давняя. Я не помню «той» жизни так ясно, как ты. Больше чувства, образы. Меня звали иначе. Я была... — она задумалась, подбирая слова, — женщиной средних лет, жила одна в небольшой квартире в огромном, шумном, вечно спешащем городе. Работала с бумагами, цифрами. Была одинока. Несчастлива. Не было ни мужа, ни детей. Только тишина и экран компьютера по вечерам.

Она отхлебнула чаю, глядя в прошлое, которого я не видела.

— Я помню, как шла по улице под дождем. Было темно, скользко. Я думала о том, как все бессмысленно. А потом — резкая боль, крик тормозов, удар... и темнота. И когда я очнулась, я лежала в этой самой постели, в этом самом доме. Мне было тринадцать лет. И я была леди Агатой Синклер, дочерью обедневшего, но знатного рода, у которой только что случилась жестокая лихорадка. Все думали, что я выжила чудом. Но старая Агата... та девочка... ее больше не было. Ее место заняла я. Со всей своей тоской, одиночеством и странными обрывками памяти о мире, где женщины носят брюки и летают в железных птицах.

— Как вы... как вы с этим жили? — спросила я, пораженная. Ее история казалась мне почти что более страшной — неясные воспоминания, полная потеря себя.

— Сначала я думала, что сошла с ума, — призналась она с легкой усмешкой. — Потом научилась молчать и наблюдать. Подражать. Запоминать манеры, имена, события. Я выросла. А потом... потом я встретила Грэма. Тогда еще не лорда, а молодого, невероятно серьезного и замкнутого Генри Грэма. В нем была та же глубина, то же чувство, будто он не совсем от мира сего. Мы нашли друг друга. Не сразу, не легко. Но нашли. И однажды, уже после свадьбы, я решилась. Рискнула всем. Рассказала ему. Не все, конечно, но суть.

— И он поверил?

— Он посмотрел на меня своими спокойными глазами и сказал: «Я всегда знал, что в тебе живет душа, видевшая иные миры. Я люблю тебя, а не твое прошлое или будущее». — Голос леди Агаты дрогнул от сдержанной эмоции. — С тех пор он мой единственный союзник. Мой якорь в этом, подчас таком чужом, мире. Он помогал мне выстраивать эту личину, эту безупречную леди Агату Грэм. И мы построили настоящую жизнь. Ту, о которой я в той прежней жизни даже не смела мечтать.

Внезапно ее выражение лица стало суровым. Она наклонилась вперед, и ее голос понизился до почти неслышного шепота, полного леденящей серьезности.

— Но это, Нинель, наша с тобой и Грэмом тайна. Самая главная. Никто. Никогда. Ты поняла меня? Не служанка, не подруга, не священник. Никто.

— Почему? — вырвалось у меня, хотя я уже догадывалась.

— Потому что в этом мире таких, как мы, не считают чудом. Нас считают дьявольским наваждением. Похитителями тел. Убийцами душ, которые эти тела занимали. Нас назовут ведьмами. Не в смысле сказок, а в самом прямом, ужасающем смысле. Тебя, в лучшем случае, объявят безумной и упрячут в сумасшедший дом, откуда не выходят. В худшем... — она не договорила, но я представила костер, воротник для ведьм, толпу с горящими глазами. — Мой титул, состояние, связи Грэма — это щит. Но даже этот щит не спасет, если слухи пойдут в народ. Люди боятся необъяснимого. И уничтожают то, чего боятся. Ты должна исходить из того, что правда о тебе — это смертный приговор. Для тебя. Для меня. Даже для Грэма, который укрывал ведьму.

Меня бросило в холод. Свобода, которую я только что обрела, оказалась хрупкой стеклянной сферой, внутри которой можно жить, но которую так легко разбить одним неосторожным словом.

— Лорд Грэм... он знает обо мне? Что я... одна из вас?

— Да, — кивнула леди Агата. — Я сказала ему еще вчера. Я почувствовала это в тебе почти сразу, а твои слова лишь подтвердили мою догадку. Он принял это. Как факт. Как еще одну странность этого мира, которую нужно принять и защитить. Но его защита действенна только в тишине.

— Я понимаю, — выдохнула я, и это была клятва. — Я буду молчать. Как могила.

— Хорошо, — леди Агата откинулась на спинку кресла, и суровость с ее лица сошла, сменившись усталой нежностью. — Теперь ты не одна, Нинель. У тебя есть мы. Не просто благодетели. Семья по духу. По самой странной и самой прочной из возможных связей. И наша поездка на взморье — это не просто сентиментальное путешествие. Это возможность научить тебя всему, что знаю я. Как жить в этом теле, в этой роли, не подавляя себя, но и не выдавая тайны. Как находить радость в малом. Как быть собой, оставаясь для всех других безупречной Нинель Торнс.

Она снова улыбнулась, и теперь в ее улыбке была бездна облегчения — будто она годами несла тяжелый груз и наконец-то смогла поделиться им с тем, кто поймет.

— Завтра мы начинаем. А сегодня... сегодня просто отдохни. Ты в безопасности. Ты дома.

И я поверила. Впервые за две жизни я почувствовала, что у меня действительно есть дом.

С этого дня наша жизнь закружилась в водовороте приятных хлопот. Решение было принято молниеносно: мы едем в Сент-Эббс, небольшой, но изысканный курортный городок на южном побережье, купающийся в ласковых морских бризах. У семьи Грэм там был дом — «Морская башня», как называла его с нежностью леди Агата.

Сборы были стремительными, но не суетливыми. Эффективность, с которой управлялась прислуга лорда Грэма, внушала почтительное удивление. Я же, к своему собственному изумлению, невольно включилась в этот процесс на правах... что-то вроде советчика по медицинским вопросам.

— Шерстяное одеяло в карету, обязательно, — заметила я, наблюдая, как горничная укладывает дорожный несессер леди Агаты. — И несколько дополнительных подушек для спины. Дорога долгая, и важно менять положение, чтобы не было застоя крови и отеков.

Леди Агата, просматривавшая список вещей, подняла на меня взгляд и тут же кивнула экономке: «Запишите, миссис Грей, как говорит мисс Нинель». Это стало обычным делом. Я осторожно советовала легкую, но питательную еду для путешествия, рекомендовала делать короткие остановки для прогулки на свежем воздухе. Каждый раз она внимательно выслушивала, задавала уточняющие вопросы — не как капризная госпожа, а как разумный человек, ценящий компетентность.

— Откуда ты все это знаешь, моя дорогая? — спросила она как-то раз, пока мы выбирали ткани для нового будуарного халата.

— В моей... прошлой жизни, приходилось консультировать беременных, — с некоторой осторожностью ответила я. — Основные принципы заботы о себе универсальны.

— Они бесценны, — просто сказала леди Агата, и в ее голосе звучало искреннее доверие.

Накануне отъезда случилось еще одно событие, поставившее точку в прошлой главе моей жизни. На порог особняка Грэмов доставили два моих скромных чемодана. Прислали их Хиллы — без записок, без объяснений. Просто оставили у ворот. Отпирая потертые замки, я ожидала увидеть жалкие остатки своего гардероба. Но внутри, аккуратно сложенные, лежали не только мои старые платья, но и несколько новых, вполне добротных вещей, купленных, видимо, для «вывода в свет», а также небольшая шкатулка с небогатыми, но изящными укра-

шениями моей матери. Вернее матери юной Нинель, которые хранились в приюте, а потом были выданы моим опекунам вместе с документами. Документы к слову тоже были в том же чемодане. Это был не жест раскаяния, а последняя, расчетливая попытка стереть следы. Они возвращали мне «имущество», отказываясь даже от этого формального повода для упрека. Я провела рукой по гладкому шелку одного из платьев — прощальный подарок от лицемерия. Теперь я была свободна по-настоящему.

Дорога в Сент-Эббс оказалась не утомительной, а почти целительной. Карета лорда Грэма была образцом комфорта: на рессорах, с просторным салоном, обитым мягкой тканью. Мы с леди Агатой много беседовали, а когда она дремала, подложив под бок одну из тех самых подушек, я смотрела в окно, наблюдая, как сменяются пейзажи, пока в воздухе не повеяло соленым, живительным дыханием моря.

И вот он — Сент-Эббс. Небольшой, опрятный, выбеленный известкой городок, каскадом спускавшийся к бирюзовой бухте. Воздух звенел от криков чаек и гудел от прибоя. А над всем этим, на небольшом утесе, поросшем соснами, стоял он — особняк Грэмов «Морская башня». Не замок, а скорее просторный, крепкий дом из серого камня, с множеством окон и круглой башенкой, давшей ему имя. Он выглядел не помпезным, а уютным и надежным.

— Ну вот мы и дома, — тихо сказала леди Агата, выходя из кареты с моей помощью. Ее лицо светилось безмятежным счастьем. — Настоящий дом.

Пока слуги разгружали багаж, а леди Агата отдыхала в своей светлой спальне с видом на горизонт, я вышла на террасу. Ветер трепал волосы и доносил запах водорослей и свободы. Лорд Грэм, сбросив взгляд вдаль, стоял у каменной балюстрады, засунув руки в карманы.

— Она обожает это место, — сказал он, не оборачиваясь. — Говорит, что здесь даже боль утихает. Надеюсь, вам тоже здесь будет хорошо, мисс Торнс.

— Я в этом уверена, милорд, — ответила я искренне.

Вечером, за ужином из только что выловленной рыбы, леди Агата, сияя, делилась планами.

— Здесь я намерена проводить большую часть года, особенно когда родится малыш. Морской воздух — лучший эликсир для здоровья, как ты и говорила, Нинель. Город, свет, все эти приемы... это бремя мужа. А здесь — жизнь. Простая и настоящая. Она мечтательно взглянула на лорда Грэма, и тот в ответ лишь улыбнулся своей сдержанной улыбкой, но в его глазах читалось полное согласие.

Лежа той ночью в своей комнате под башенкой, где за окном шумел прибой, я думала о странных поворотах судьбы. Из бесправной сироты, товара в руках спекулянтов, я превратилась в компаньонку в доме, где ценили не происхождение, а ум и искренность. Из пациента, обреченного на небытие, — в того, кто может давать советы по сохранению новой жизни. Море за окном дышало ровно и мощно, смывая прошлое. Прошлое, должно остаться в прошлом.

Глава 3.

Проснулась я от крика чаек и ритмичного гула прибоя. Солнечные зайчики прыгали по стенам моей новой комнаты. Она находилась как раз под той самой круглой башенке, о которой говорила леди Агата. Помещение было невелико, но удивительно светло и уютно. Стены были выкрашены в мягкий, песочный цвет, а высокий потолок сводом уходил вверх. Главным украшением служили три высоких, узких окна, из которых открывался захватывающий вид: прямо передо мной расстилалась бескрайняя синева моря, слева — скалистый берег с пенящимися бурунами, справа — черепичные крыши Сент-Эббса, утопавшие в зелени.

Обстановка была простой и изящной: резная кровать с пологом из легкой льняной ткани, туалетный столик из светлого дерева, небольшой книжный шкаф, уже наполовину заполненный томами в кожаных переплетах, и глубокое кресло у самого большого окна. На полу лежал толстый ковер с восточным узором, смягчающий шаги. В комнате пахло свежестью, морским воздухом и чуть уловимым ароматом лаванды, исходившим от саше в комод. Это было место для уединения, размышлений и покоя — дар, более ценный, чем любая роскошь.

Спустившись вниз, я смогла лучше рассмотреть дом. «Морская башня» жила и дышала вместе с морем. Свет проникал повсюду, отражаясь в полированных дубовых панелях и блестящем кафеле в холле. Повсюду были расставлены вазы со свежими полевыми цветами и ветками прибрежной сосны. Вместо тяжелых гобеленов на стенах висели акварели с морскими пейзажами. Дом был наполнен не показным богатством, а теплом, вниманием к деталям и любовью к этому месту.

Завтрак подали на солнечной веранде, выходявшей прямо в сад, который скорее напоминал дикий прибрежный луг, нежели ухоженный парк. После трапезы леди Агата предложила неспешную прогулку по тропинке, ведущей к маленькому, уединенному пляжу у подножия утеса. Идя рядом с ней, дыша полной грудью соленым воздухом, я чувствовала, как нарастает внутреннее беспокойство, рожденное старой, врачебной привычкой. Нельзя было полагаться лишь на целебность воздуха.

Когда мы уселись на большом плоском камне, слушая шум волн, я наконец задала вопрос, который вертелся у меня на языке с самого отъезда.

— Леди Агата, простите мою прямолинейность, но я не могу не спросить. Где вы планируете рожать? Здесь, в Сент-Эббсе? И... есть ли у вас на примете опытный врач? Специализирующийся именно на ведении беременности и родовспоможении?

Она повернула ко мне лицо, на котором играли солнечные блики.

— Врач? — переспросила она с легкой, понимающей улыбкой. — Ты имеешь в виду акушера, моя дорогая. Врачи здесь, вдали от столицы, — редкость, да и занимаются они чаще хирургией или терапией. Для родов приглашают акушерку или, если позволяет положение, — мужчину-акушера.

Я кивнула, смущенно поправив складки платья. Привычная современная терминология выдавала меня с головой.

— Конечно, вы правы. Акушер. Так он есть?

— Есть, — ответила леди Агата, глядя на горизонт.

— Мистер Эдгар Реннис. Он практикует в Эксмуте, это в полутора днях езды отсюда. Имеет прекрасную репутацию среди местных семейств. Я уже написала ему, как только мы решили ехать сюда. Он прибудет сегодня к вечеру для знакомства и предварительного осмотра.

Во мне что-то ёкнуло — смесь облегчения и профессионального интереса.

— Это очень разумно. Первая консультация крайне важна. Вы... не будете против, если я присутствую при разговоре? Разумеется, только если это уместно.

Леди Агата положила свою руку поверх моей.

— Я буду только рада. Твоя поддержка и твои вопросы, исходящие из твоего необычного опыта, могут быть очень полезны. Мистер Реннис, конечно, авторитет, но дополнительный взгляд, особенно такой заботливый, никогда не повредит.

Обед был легким — холодная отварная курица, салат из свежих овощей с местной фермы и воздушный пудинг. Ели мы в той же уютной столовой, окна которой были распахнуты настежь. Леди Агата казалась спокойной и довольной, но я заметила, как ее взгляд время от времени обращался к дороге, ведущей к дому.

И вот, ближе к пяти часам, доложили о приезде мистера Ренниса.

Это был мужчина лет пятидесяти, суховатый, подтянутый, с внимательными, пронзительными глазами серого цвета. Он был одет строго, но безупречно чисто, а его чемоданчик из темной кожи выглядел потертым, но свидетельствовал о долгой практике. Его манеры были безукоризненно вежливы, но без подобострастия — в них чувствовалась уверенность профессионала.

После представлений и чашки чая в гостиной, леди Агата пригласила его в свою спальню для осмотра. С разрешения обоих, я последовала за ними, заняв место у окна, стараясь быть как можно менее заметной.

Мистер Реннис задавал четкие, конкретные вопросы: о самочувствии, о первых шевелениях, о течении предыдущих беременностей (их не было). Он аккуратно провел пальпацию, выслушал сердцебиение с помощью деревянной акушерской трубки, которую извлек из своего чемоданчика. Его движения были точными, бережными, а лицо оставалось сосредоточенным и непроницаемым.

— Все в полном порядке, леди Агата, — наконец произнес он, умывая руки в приготовленном тазу. — Положение плода правильное, тонус хороший, сердцебиение ясное и ритмичное. Судя по всему, вы прекрасно переносите свое положение. Морской воздух и покой — лучшее, что можно было назначить.

— Спасибо, мистер Реннис, — вздохнула леди Агата с явным облегчением.

— Однако, — продолжил он, вытирая руки, — роды — процесс непредсказуемый. Я рекомендую вам оставаться в Сент-Эббсе до самого срока. Дорога на последних месяцах крайне нежелательна. Я готов приехать по вашему первому зову, когда начнутся схватки. Вам будет нужна опытная акушерка для ежедневного ухода и помощи в первые недели. Я могу порекомендовать одну вдову из города, миссис Барлоу, женщину знающую и с золотыми руками.

И тут, не в силах больше молчать, я осторожно вмешалась, обращаясь больше к леди Агате, чем к акушеру:

— Это мудрое решение. Постоянное присутствие квалифицированной помощницы необходимо. И... мистер Реннис, позвольте спросить, как вы относитесь к профилактике послеродовой горячки? Чистота инструментов, рук, белья...

Он обернулся ко мне, и в его глазах мелькнул живой, профессиональный интерес.

— Вы спрашиваете об очень важных вещах, мисс Торнс. Я строго следую принципам чистоты, которые, должен признать, еще не всеми коллегами разделяются. Кипячение инструментов, мытье рук щеткой в карболовом растворе, использование только проглаженного горячим утюгом белья — это мои обязательные правила. Горячка уносит слишком много жизней, чтобы пренебрегать мерами предосторожности. Это был человек, мыслящий правильно. Леди Агата, наблюдая за нашим диалогом, мягко улыбалась.

— Видишь, Нинель, — сказала она, когда мистер Реннис, получив щедрый гонорар и договорившись о дальнейшей переписке, удалился. — Мы в надежных руках. И не только в его. И в твоих тоже.

Мы вышли на террасу, и вечерний ветер, уже не столь резкий, ласково обвивал наши платья, словно пытаясь удержать нас в лучах уходящего дня.

Вид открывался великолепный. Перед нами было море.

Оно лежало передо мной необъятное, окрашенное закатом в невероятные оттенки. У берега вода была жидким золотом и расплавленной медью, дальше – темнело, а у самого горизонта – полосой темно-фиолетовой стали, отделявшей мир от бесконечности. Его поверхность, еще час назад резвая и беспокойная, теперь казалась тяжелой, гладкой, задумчивой. Оно не волновалось, а медленно дышало, и с каждым его размеренным выдохом на галечный берег накатывал и рассыпался в алмазной пене длинный, усталый вал. Воздух был плотным, насыщенным кристальной солью, йодом и запахом мокрых водорослей – терпким и живым ароматом, который заполнял легкие с каждым вдохом.

Стоя на террасе и вглядываясь вдаль, я ощущала странное, щемящее чувство, смесь восторга и тихой грусти. *А в прошлой своей жизни я ни разу не была на море.* В той прошлой, сжатой, вечно спешащей жизни, полной графиков, операционных и белых стен, не нашлось ни времени, ни случая. Море оставалось для меня абстракцией – голубой полосой на карте, фоновыми обоями на экране, чужой фотографией из отпуска. Я знала о нем всё: о составе его солей, о влиянии на вегетативную нервную систему, о терапевтических свойствах климата. И не знала о нем ничего – этого бездонного величия, этого голоса, заглушающего все внутренние тревоги. Здесь и сейчас, в этой новой, непростой жизни, оно было даром, щедрым и подавляющим своим масштабом.

— Пройдемся к берегу? — предложила леди Агата, словно уловив мою потребность слиться с этим пейзажем, стать его частью. Она взяла мою руку. — Я хочу показать тебе одно место.

Мы спустились по каменным ступеням, еще хранившим солнечное тепло, в сад, где уже сгущались сиреневые тени, и прошли через полускрытую плетистыми розами калитку. За ней начиналась узкая тропинка, выходящая по самому краю обрыва. Она петляла меж замшелых скал, из расщелин которых цеплялись за жизнь корявые шиповник и вереск. Шаги наши были медленными, осторожными – не из-за трудности пути, а из-за его красоты. Каждый поворот открывал новый ракурс: то бухту, похожую на сапфировую оправу, то одинокую скалу-кекур, упрямо сопротивляющуюся напору волн, то просто бескрайнюю водную гладь, где уже зажигались первые, робкие отражения звезд. Леди Агата шла спокойно, опираясь на мою руку.

Пройдя какое-то время вдоль обрыва, тропинка круто взметнулась вверх и вывела нас на небольшой, открытый всем ветрам мыс. Трава здесь была короткой и жесткой, выгоревшей на солнце и вылизанной солеными шквалами. И там, на вершине соседнего утеса, резко вздымавшегося из воды подобно хребту допотопного чудовища, я увидела здание.

Не дом, а именно здание – величественное, строгое, высеченное из темного, почти черного базальта. Оно не строилось, а, казалось, выросло из самой скалы, вросло в нее клыками фундаментов и острыми шпилями башен. Это была не крепость для жизни, а цитадель для отчуждения: высокие глухие стены, редкие узкие окна-бойницы, угрюмые контрфорсы. Ничего уютного, ничего солнечного. Оно стояло над бушующим внизу морем, как молчаливый страж вечности, и даже на таком расстоянии ощущалась его холодная, отчужденная мощь. Оно бросало вызов самому горизонту.

— Что это? — спросила я, невольно остановившись, чувствуя, как легкий трепет восхищения смешивается с непонятной тревогой.

Леди Агата тоже подняла взгляд на утес, и ее лицо стало задумчивым.

— Это Вересковый замок. Там живет наш сосед, лорд Редмонд.

— Он выглядит... неприступным.

— Он и есть неприступным. У нас здесь зовут его «дом нелюдимого дракона».

Я повернулась к ней, удивленная этим словом, таким неожиданным и архаичным в этой реальности.

— Дракон? Почему дракон?

Леди Агата задумалась, ее профиль на фоне пламенеющего неба казался вырезанным из камня.

— Это старые легенды, Нинель. Очень старые. В них говорят, что некогда в этом мире существовали могущественные существа – драконы. Но они были не просто огромными змеями. Они могли принимать человеческую форму, жить среди людей, даже создавать семьи. Роды, в которых такая кровь течет... они считаются особенными. Лорд Редмонд – из одного такого рода. Но, повторю, это всего лишь легенды. Суеверия и сказки для простолюдинов.

Я смотрела на темный замок, и в душе что-то шевельнулось – не страх, но странное, почти мистическое чувство узнавания чего-то, чего не могла знать. Легенды о драконах... в моем мире это были лишь фантазии книг и экранов. Здесь же, под аккомпанемент вечного морского ропота и в тени этого угрюмого замка, они казались частью самой ткани этого места, его подлинной, скрытой истории, его темной, пульсирующей веной.

— Почему он нелюдим? — спросила я, возвращаясь к более земным, понятным берегам.

Леди Агата вздохнула, и ее взгляд скользнул по тропинке, ведущей вниз, к нашему дому.

— Он вдовец. Воспитывает сына одного. Мальчика-сорванца, как говорят. Наверное, ему уже лет десять, а может, и двенадцать. Трудный возраст.

— Что случилось с его женой?

Леди Агата замолчала, и ее глаза, отражавшие последние отсветы заката, стали глубокими и печальными, как вода в подземном гроте.

— Она умерла. В родах.

Море шумело внизу, и этот вечный гул теперь казался не просто звуком, а глубоким, древним дыханием, выдохом самой земли или того дракона, о котором шла речь. Я почувствовала острый, ледяной холодок у сердца, пробежавший по спине, несмотря на теплый ветер.

— В родах... — тихо проговорила я, и слова потерялись в шуме волн.

— Да, — сказала леди Агата, и ее голос прозвучал приглушенно, словно она боялась потревожить чей-то сон. — Эти случаи, в древних семьях породили другую легенду. О том, что в родах, где в крови есть эта... древняя сила, женщины часто умирают. Слишком велика цена за то, чтобы дать жизнь наследнику такой линии. Говорят, что сила дракона в ребенке требует слишком много от матери, сжигает ее изнутри. Это, конечно, тоже сказка. Но... она живет. И люди в этих семьях живут с этой тенью. Она становится их спутником.

Я посмотрела на нее, и шутка, которая должна была стать легкой, отгораживающей нас от мрака, вышла неуверенной, сорвавшимся шепотом:

— Надеюсь, в роду лорда Грэма не было таких драконов.

Леди Агата не ответила сразу. Она нахмурилась, ее тонкие брови сошлись, а глаза, обычно такие ясные, стали серьезными и почти жесткими, как море перед штормом. Она посмотрела куда-то вдаль, на стык темнеющей воды и неба, а потом медленно, очень медленно перевела взгляд прямо на меня.

— Были, Нинель. Про род Грэма тоже ходит такая легенда.

Тишина, воцарившаяся между нас, была гуще ночи и тяжелее морской воды. Шум прибоя, еще недавно ласкавший слух, теперь казался настойчивым, монотонным, почти угрожающим – отсчетом какого-то неотвратимого ритма. Я смотрела на лицо Агаты – на ее спокойную, обычно безмятежную красоту, озаренную теперь алым отблеском умирающего дня, – и видела в нем не только радость будущего материнства, но и эту тень. Тень древней истории, страшной сказки, которая вдруг коснулась ее лично.

— Это... всего лишь легенда, — сказала я, из последних сил вкладывая в слова всю твердость, на которую была способна, пытаюсь отогнать холодок в собственной душе.

— Да, — согласилась она, но ее голос был тихим, как шелест прибрежной травы. — Всего лишь легенда. Но легенды, Нинель, иногда живут так долго, что врастают в землю и в кровь.

Они становятся частью реальности. Они формируют судьбы. И страх. И надежду. Особенно надежду на то, что твоя история окажется исключением.

Мы стояли там, на краю мыса, две женщины, маленькие и хрупкие на фоне двух грандиозных величин: темного, безмолвного замка на утесе и безграничного, вечно говорящего моря. И между нами теперь лежало не только доверие и дружба, но и это новое, тяжелое знание – знание о тени, которая могла лежать не где-то там, в чужой судьбе, а на нашем общем будущем, на той новой, хрупкой жизни, которую леди Агата носила под сердцем.

Ветер усилился, принес с собой свежий, почти холодный запах далекой глубины. Я взяла ее руку в свою – не для поддержки, а для союза. Ее пальцы были прохладными.

— Мы должны быть сильными, — сказала я, и слова эти были обращены к морю, к замку, к самой судьбе. — Мы должны сделать все, чтобы эта легенда осталась сказкой. Мистер Реннис с его карболовым раствором, миссис Барлоу с ее золотыми руками... и я. Со всем, что я знаю и чего не знаю. Мы все здесь.

Леди Агата посмотрела на меня, и в ее глазах, затуманенных на мгновение раздумьем и печалью, медленно, как восход из-за тучи, вернулся свет – уже не безмятежный, а твердый, как скала, свет решимости.

— Да, — сказала она просто и ясно. — Мы все здесь. И мы сделаем все. Драконы останутся в легендах. Наша реальность, — она положила свободную руку на свой живот, — будет светлой.

Мы повернулись спиной к Вересковому замку и пошли назад по тропинке, ведущей к «Морской башне», к нашему светлому, уютному дому, где в окнах уже зажигались желтые, теплые огни. Но я чувствовала, как на спину мне ложится невидимый, тяжелый взгляд с того утеса.

Я почувствовала его – этот взгляд. Не зрительный, а скорее давление, тяжесть внимания, направленного точно в центр спины. Мне захотелось резко оборвать его, доказать, что мы не убегаем, а просто возвращаемся домой. И я обернулась.

Вересковый замок был уже почти слит с темнотой наступающей ночи. Его острые силуэты стали размытыми, растворились в глубокой синеве неба и моря. Но в одной из башен, самой высокой, мерцал единственный огонь. Не теплый, желтый свет, как в наших окнах, а холодное, зеленоватое пятно.

Мне вдруг стало совершенно ясно: там, за тем узким окном, кто-то стоял и смотрел на наш мыс, на две маленькие фигуры на краю света. Возможно, это был сам лорд Редмонд. Возможно...там не было никого, и у меня разыгралось воображение.

Мы вернулись в «Морскую башню» без приключений. Дом встретил нас не просто теплом и светом, но целой симфонией уюта: запахом жареного куропатки и свежего хлеба из кухни, тихим шепотом углей в камине гостиной, мягким светом ламп под желтыми абажурами. Этот свет был физическим ответом темному, холодному огню в башне. Здесь было безопасно.

В столовой нас уже ждал лорд Грэм. Он сидел в кресле у огня, читая газету, но, увидев нас, сразу поднялся. Его лицо, обычно спокойное и немного отстраненное, выражало легкую тревогу.

— Агата, дорогая, ты так долго. Я начинал волноваться, — сказал он, подходя и мягко касаясь руки своей жены.

— Мы просто гуляли, Генри, — ответила леди Агата, ее голос снова стал легким и домашним. — Вечер был таким прекрасным.

— До самого утеса? — спросил он, и в его голосе я услышала не просто вопрос, а тонкое знание этих мест, их привычных маршрутов и границ.

— Да, — сказала я, чувствуя себя немного посторонним в этой семейной сцене. — Мы ходили к утесу. Смотрели на дом соседа.

Лорд Грэм замер на мгновение. Его глаза, светлые и проницательные, изучили меня, затем перешли на лицо его жены. Он не выглядел удивленным, скорее озадаченным, как человек, который соприкасается с тем, о чем предпочитает не думать.

— На Вересковый замок, — медленно проговорил он. — Я видел его сегодня, когда объезжал верхом границы владений. Следил за целостностью ограды на периметре. Ветер с моря, особенно зимой, ломает доски, приходится постоянно проверять. Не дом, я про соседа.

В его словах была практичность, хозяйская забота о границах и порядке.

— Лорд Редмонд тоже выезжает? — спросила Агата, садясь в кресло.

— Его люди занимаются его землями. Он сам... редко появляется, — ответил Грэм, выбирая слова осторожно. — Но сегодня я видел его на дальнем краю его парка.

В комнату в этот момент вошла миссис Бернс, экономка. Она несла поднос с чайником и фарфоровыми чашками. На ее лице, всегда уравновешенном и профессионально доброжелательном, лежала тень заботы.

— Мистер Грэм просил приготовить для вас чай после прогулки, леди Агата. Ветер с моря прохладный, нужно согреться, — сказала она, расставляя чашки на маленьком столике. Ее движения были точными, почти хирургически аккуратными – она была главной силой, державшей дом в идеальном порядке, когда хозяев не было.

— Спасибо, — сказала Агата с теплой улыбкой. — И спасибо за то, что держали дом в таком прекрасном состоянии до нашего приезда. Мы все чувствуем вашу заботу.

Миссис Бернс, слегка поклонилась.

— Это моя обязанность, мадам. Хотя, конечно, без вас дом был очень тихим. Дженни и Марта старались поддерживать чистоту, но жизнь, конечно, возвращается только с хозяевами.

Она упомянула Дженни и Марту – двух служанок, которых я видел лишь мельком, всегда занятых и немного робких. Они были частью этого маленького мира, его кровеносной системой. И они тоже жили здесь все эти месяцы, пока Агата и Генри были в городе. Они знали каждый уголок, каждый звук дома.

Лорд Грэм, приняв чашку от миссис Бернс, вернулся к своей мысли.

— Ограда на северной стороне требует внимания, — сказал он, обращаясь скорее к себе, чем к нам. — Дожди и ветер расшатали несколько столбов. Я напишу Симону, чтобы он занялся этим в ближайшие дни.

Симон был местным мастером, человеком, который делал все – от починки забора до мелкого ремонта в доме. Его имя постоянно возникало в разговорах, как имя некоего универсального хранителя материального мира вокруг нас. Все эти люди – Бернс, Дженни, Марта, Симон – были не просто слугами. Они были живыми стенами «Морской башни», ее опорой и силой.

Глава 4.

Следующие дни стали похожи на мягкую, постепенно раскрывающуюся акварель. Я начала обживатьсья. Миссис Бернс провела меня по всем помещениям, показывая кладовые, чулан, где хранились старые журналы и книги, даже небольшую библиотеку в западном крыле – полки там были забиты романами прошлого века и географическими атласами. Я чувствовала себя не гостем, а частью этого дома. Мои обязанности были четкими: сопровождать леди Агату, следить за ее самочувствием, быть ее компаньонкой и, по сути, доверенным лицом. Но между этими обязанностями возникали пустоты, заполняемые самой жизнью.

Мы гуляли каждый день, если погода позволяла. Но теперь наши маршруты избегали утеса и Верескового замка. Мы бродили по саду, по тропинкам в сторону деревни, по берегу в стороне от скал. Агата говорила о планах для детской комнаты, о тканях для штор и обивки мебели, о книгах, которые она хотела читать будущему ребенку. В этих прогулках была нормальность, здоровая, земная радость ожидания, которая казалась самым мощным заклинанием против древних страхов.

Однажды, после нашего возвращения, миссис Бернс сообщила, что к нам ожидается визит.

— Миссис Барлоу, мадам. Она просила позволения прийти сегодня после полудня, — сказала экономка.

Миссис Барлоу. Вдова, о которой говорил доктор Реннис. «Золотые руки». Я почувствовала легкое волнение, смешанное с надеждой.

Когда она прибыла, я ожидала увидеть старую, скрюченную годами женщину. Но миссис Барлоу, появившаяся в гостиной, была другой. Она была, пожалуй, лет пятидесяти, стройная, с прямой осанкой, которая говорила о дисциплине и внутренней силе. Волосы, собранные в тщательную, но не строгую сетку, были темными с проседью. Глаза были светло-серыми, почти прозрачными, и в них читался не возраст, а огромный, сосредоточенный опыт. Она держала в руках небольшой тканевый сверток.

— Леди Агата, — сказала она, и ее голос был низким, мягким, но очень четким. — Доктор Реннис говорил, что вы вернулись в «Морскую башню».

Агата приветствовала ее с искренней теплотой, и я представилась как Нинель Торнс, компаньонка и помощница. Миссис Барлоу оценила меня одним быстрым, но глубоким взглядом, как опытный мастер оценивает новый инструмент – не с предубеждением, а с интересом.

— Доктор говорил о ваших навыках, миссис Барлоу, — сказала я. — Он считает ваши руки бесценными для любой семьи.

— Руки остаются руками, мисс Торнс. Они делают то, что им велено. А опыт... опыт просто учит, как делать это лучше и быстрее. Но благодарю вас за слова.

Она развернула свой сверток. Это были не готовые изделия, а образцы тканей, выкройки, несколько небольших, но идеально выполненных детских вещей – крошечная рубашечка, чепчик, даже маленькие мягкие башмачки. Каждая деталь была проработана с такой точностью и любовью, что казалась почти живой.

— Я начала работу над тем, что вы обсуждали с доктором, — сказала она Агате. — Но я также пришла с предложением. Для детской комнаты... помимо постельных принадлежностей и одежды, важна атмосфера. Я могу помочь с оформлением. Не просто шитьем, но и... организацией пространства.

И тут, слушая ее, я почувствовала внутренний импульс. Знания из моей прежней жизни – неясные, отрывчатые, но глубокие – начали выстраиваться в предложения.

— Миссис Барлоу, — вмешалась я, стараясь звучать уверенно. — Вы говорите об организации пространства. В столице я читала о новых идеях в обустройстве детских комнат. Не только о красоте, но о... безопасности и удобстве для матери.

Оба женщины смотрели на меня с интересом.

— Например, — продолжила я, — расположение кровати. Не в углу, где может быть сыро и мало света, но и не прямо у окна, где холодные сквозняки. Центр комнаты, близко к камину, но не слишком близко... с возможностью легко подойти к ребенку с любой стороны. И пеленальный стол... он должен быть не просто столом. Он должен иметь полки для всего необходимого прямо под руками, чтобы не нужно было каждый раз отходить и искать. И высота его должна быть такой, чтобы леди Агата не нагибалась слишком низко.

Миссис Барлоу слушала, не двигаясь. Затем ее губы слегка приподнялись в почти улыбке.

— Это практично, мисс Торнс. Очень практично. В деревнях часто ставят кровать где придется, а пеленают на обычном столе или даже на кровати.

— Также, — добавила я, вдохновленная ее реакцией, — освещение. Лампа с мягким, рассеянным светом, не яркая, чтобы не пугать ребенка ночью, но достаточная для того, чтобы видеть все четко. И возможно... небольшая перегородка или ширма, чтобы создать укромный уголок для кормления, если в комнате будут другие люди. Вы же планировали сами кормить малыша?

Агата улыбалась, ее глаза светились.

— Нинель, это прекрасные идеи! Они звучат так... современно. Так продуманно. И да, я буду кормить ребенка сама.

— Это просто логика, леди Агата, — сказала я, но внутри чувствовала гордость. Это были не просто «новые идеи». Это был системный подход, смесь эргономики и психологии, понятий, которые в этом мире еще не имели названий, но существовали как интуитивная потребность в удобстве и безопасности.

Миссис Барлоу положила образцы тканей на стол и аккуратно сложила свои выкройки.

— Я могу воплотить это, — сказала она просто. — Я понимаю, что вы хотите. Это не просто комната для ребенка. Это... пространство для начала жизни. Безопасное. Удобное. Я сделаю все по вашим описаниям. И помогу разместить все так, как вы говорите.

После ее отъезда мы, вместе с Агатой, начали действительно планировать детскую. Мы выбрали комнату на солнечной стороне дома, не слишком большую, но с хорошим окном и камином. Я нарисовала на бумаге простой план – где будет кровать, где пеленальный стол, где кресло для Агаты, где полки для книг и игрушек. Это была схема, но она казалась волшебной – чертеж будущего, реального, светлого, защищенного пространства.

Симон был вызван для оценки комнаты и изготовления пеленального стола по моим описаниям. Когда я объясняла ему высоту, глубину и необходимость полок, он слушал, поначалу скептически, но затем его глаза, практичные и умные, загорелись интересом.

— Это умно, мисс Торнс, — сказал он, потирая бороду. — Не надо бегать по комнате. Все под рукой. Я сделаю.

И так, день за днем, «Морская башня» превращалась не просто в дом, а в крепость, готовую к новой жизни. Каждый человек здесь – от лорда Грэма, заботящегося о внешних границах, до миссис Бернс, поддерживающей внутренний порядок, до Симона и миссис Барлоу, создающих физическое воплощение наших планов – был частью этой подготовки.

Следующие дни были заполнены спокойной рутинной и приятными хлопотами. Симон уже стучал молотком в выбранной для детской комнате, а миссис Барлоу приходила с новыми образцами льна и батиста, обсуждая стежки и отделку. Но однажды утром леди Агата пожаловалась на легкую мигрень и предпочла остаться в своей комнате, попросив не беспокоиться и насладиться хорошей погодой.

Я решила прогуляться одна. День был прохладным, но солнечным, с резким, чистым воздухом, который словно обжигал легкие, наполняя силой. Ветер с моря гнал по небу быстрые, рваные облака, отчего свет постоянно менялся – то яркий и ослепительный, то приглушенный и таинственный.

Я свернула с привычной тропинки в сторону деревни и пошла вдоль берега по направлению к востоку, куда мы с Агатой еще не заглядывали. Берег здесь был более диким, каменистым. Через некоторое время я увидела, как линия скал образует естественную дугу, скрывающую небольшую, уединенную бухточку. Любопытство потянуло меня вперед.

Обогнув выступ скалы, я замерла от неожиданной красоты. Это была крошечная лагуна, почти идеально круглой формы, защищенная от ветра и волн высокими темными утесами. Вода здесь была не свинцово-серой, как в открытом море, а изумрудно-зеленой и прозрачной, словно аквамарин. Песок под ногами был чистым, почти белым, усыпанным мелкими ракушками. Тишина стояла абсолютная, нарушаемая лишь мягким плеском волн, набегавших на камни у входа в бухту. Это место казалось забытым миром, чашей из камня и воды, наполненной соленым воздухом и покоем.

Я сделала несколько шагов по песку, вдыхая этот покой полной грудью. И тут движение на воде привлекло мой взгляд.

Примерно в двадцати метрах от берега из зеленой глубины показалась фигура. Сначала это была лишь темная тень, но через мгновение человек выпрямился, и вода, доходившая ему до пояса, расступилась.

Это был мужчина. Его торс, выхваченный из холодной воды резким северным светом, казался высеченным из того же камня, что и окружающие скалы. Широкие плечи, рельефные мышцы живота и рук, резкие тени под ключицами – все говорило не об изнеженной силе спортсмена, а о суровой, привычной к труду и стихии мощи. Вода стекала с него обильными, блестящими ручьями, скатываясь по смуглой коже, покрытой старыми, едва заметными шрамами – белыми черточками на предплечье, более темным следом у ребра. Соленые капли сверкали в его белых, словно снег волосах, длинных, ниспадающих на плечи.

Он двигался к берегу уверенно, преодолевая легкое сопротивление воды, и с каждым его шагом обнажалось все больше – мощные бедра, длинные, сильные ноги. Его движение было чем-то первобытным, естественным и абсолютно не стыдящимся этой наготы. Он не видел меня, стоявшей в тени скалы, замороженной этим неожиданным зрелищем.

Щеки мои вспыхнули жарким, постыдным румянцем. Мысль о том, что я подсматриваю, ударила с силой физического толчка. Я резко, почти болезненно, отвернулась, уставившись на причудливую трещину в скале перед собой. Сердце колотилось где-то в горле, стуча бешеным, нелепым ритмом. В ушах стоял шум, смешанный с грохотом собственной крови и далеким плеском волн, от которого теперь, казалось, исходила та же самая, дикая и смущающая энергия.

Я слышала, как он вышел из воды на песок. Слышала мягкий, шуршащий звук – возможно, он вытирался, или натягивал одежду. Я не смела обернуться. Всё мое существо кричало о необходимости немедленно уйти, исчезнуть, но ноги будто вросли в песок. Бежать было бы еще более нелепо и заметно.

Через несколько мучительно долгих секунд я все же рискнула бросить беглый взгляд через плечо, готовясь тут же снова отвернуться.

Он стоял спиной ко мне, натягивая простую грубую рубаху из небеленого льна. На нем были уже простые рабочие брюки, закатанные до колен. Он отряхивал мокрые волосы рукой, и этот жест был таким же простым и естественным, как и все в нем. Казалось, он был здесь полноправным хозяином, стихией этой бухты, таким же ее порождением, как скалы и чайки.

Именно в этот момент он, видимо, почувствовал мое присутствие. Он не резко обернулся, а медленно, почти лениво повернул голову. Его взгляд, темный и пронзительный, даже на расстоянии показался мне невероятно острым, встретился с моим. В его глазах не было

ни смущения, ни гнева, лишь холодное, изучающее любопытство, смешанное с легким удивлением.

Это был лорд Калейб Редмонд. Я поняла это с абсолютной, не требующей доказательств уверенностью. Никто другой в этих местах не мог обладать такой дикой, необузданной силой и таким безразличием к условностям.

Он ничего не сказал. Лишь слегка приподнял бровь, все так же не отрывая от меня взгляда. Мне показалось, что в уголке его рта дрогнула тень чего-то – не улыбки, но скорее молчаливого вопроса.

Я не выдержала этого взгляда. Сорвавшись с места, я пустилась бежать обратно по тропинке, не разбирая дороги, спотыкаясь о камни, чувствуя, как горячий стыд и странное, непонятное волнение жгут мне лицо и заставляют сердце бешено колотиться.

Возвращаясь домой, я чувствовала, будто несу на себе невидимый отпечаток бухты, морского ветра и того пронзительного взгляда. Мне казалось, что даже миссис Бернс, встретившая меня в прихожей своим обычным невозмутимым «Добро пожаловать, мисс Торнс», видит мои разгоряченные щеки и слышит стук моего сердца. Я поспешила наверх, чтобы привести себя в порядок, прежде чем зайти к леди Агате.

Она сидела у камина в своей гостиной, обложенная подушками, с приглушенным светом от штор. Мигрень, судя по всему, отступила, оставив лишь легкую усталость на ее лице. Увидев меня, она улыбнулась.

— Ну как, насладились прогулкой? — спросила она, откладывая книгу. — Ты выглядишь... очень оживленно. Раскраснелась, словно это была не прогулка, а пробежка.

Я опустила на стул напротив, все еще пытаюсь отдышаться.

— Леди Агата, я... я совершила ужасную оплошность.

Ее брови удивленно поднялись.

— Упала? Потеряла что-то?

— Нет. Я... я увидела мужчину. — Слова вырвались с трудом. — В уединенной бухточке к востоку от дома. Он выходил из воды. Совсем без одежды. Я нечаянно! Я не знала, что там кто-то есть!

Я описала бухту, свою невольную завороченность и то, как я бросилась бежать, встретившись с его взглядом. Стыд снова накрыл меня волной.

Каково же было мое изумление, когда вместо сочувствия или легкого шока леди Агата... рассмеялась. Сначала тихо, а затем ее смех стал звонким и беззаботным.

— О, Нинель, моя дорогая! — выдохнула она, вытирая слезинку с уголка глаза. — И это все? Ты смущена, потому что увидела обнаженного мужчину? Мне казалось врачи видят их сотнями. Я уже молчу про пляжи, рекламу, кино. Да что там говорить, даже в анатомическом атласе. Это просто человеческое тело. Очень даже впечатляющее, судя по твоему описанию, но все же — просто тело.

Ее слова звучали так непринужденно, так спокойно, что на мгновение мой собственный стыд показался мне смешным и наигранным. Но затем я поняла корень конфуза.

— Я знаю! — воскликнула я, сжимая руки на коленях. — Разумом я понимаю всю эту... условность. Но дело в том, что оказавшись в теле юной девушки, я понимаю что это тело, эта нервная система, эти гормоны... они реагируют без моего ведома. Щеки горят, сердце колотится, ноги подкашиваются. Я веду себя как та самая невинная дева, какой и должна быть Нинель Торнс, даже если мой внутренний голос кричит о глупости всей этой ситуации.

Агата снова рассмеялась, но уже более тепло, с пониманием.

— Ах, да. Диссонанс опыта и физиологии. Знакомо. Представь, каково мне иногда бывает, когда я хочу выругаться как сапожник, а из моих уст вылетает изысканное «Боже мой!». Мы обе заложницы новых оболочек, моя дорогая. Придется с этим мириться. Но, надо при-

знать, твоя «новая оболочка» среагировала на весьма эффектное зрелище. Лорд Кaleb Редмонд, говоришь? Ну что ж...

Мы еще немного посмеялись над ситуацией, и напряжение стало постепенно уходить, растворяясь в тепле камина и легкой иронии. Я уже почти успокоилась, согласившись с Агатой выпить чаю, чтобы окончательно прийти в себя.

Мы перешли в малую гостиную, где горничная уже накрыла стол изящным фарфором. Аромат бергамота и свежей выпечки был утешительным и земным. Мы как раз обсуждали, какое варенье выбрать — малиновое или смородиновое, — когда дверь отворилась, и на пороге появилась миссис Бернс. Ее лицо, обычно бесстрастное, выражало легкую озадаченность.

— Прошу прощения за беспокойство, мадам, — сказала она, обращаясь к Агате. — К вам пожаловал с визитом лорд Кaleb Редмонд. Он настаивает на том, чтобы вас поприветствовать.

В комнате воцарилась тишина. Ложка, которую я как раз подносила к чашке, замерла в воздухе. Я встретилась взглядом с Агатой. В ее глазах промелькнула та же самая смесь неожиданности, любопытства и едва сдерживаемого веселья, что бушевала и во мне. Уголки ее губ дрогнули.

Мы переглянулись. Это был мгновенный, безмолвный диалог, полный понимания и легкой паники. *Он здесь. Сейчас. После того, что случилось.*

— Просите, миссис Бернс, — прозвучал спокойный голос Агаты, хотя в ее взгляде все еще играли искорки. — И попросите подать еще одну чашку.

Экономка кивнула и удалилась. Я медленно опустила ложку на блюдце, слыша, как звенит фарфор. Сердце, только-только успокоившееся, снова принялось настойчиво стучать в висках. Что ему нужно? Зачем он пришел? Чтобы упрекнуть меня в нескромности? Или...

Глава 5.

Я поспешно пригладила непокорные пряди волос и попыталась придать лицу максимально невозмутимое выражение. Агата поймала мой взгляд и чуть заметно подмигнула, что должно было означать «держись». Через мгновение в дверном проеме появился он.

Лорд Калев Редмонд заполнил собой пространство малой гостиной. Он был в простом, но добротном сюртуке темно-зеленого сукна, который только подчеркивал ширину его плеч. Его белые волосы, уже почти сухие, были отброшены назад, открывая высокий лоб и резкие черты лица. Он казался иным, чем в бухте – цивилизованным, сдержанным, но в его темных глазах по-прежнему читалась та же дикая, неспешная уверенность. От него пахло морским воздухом и чистым, холодным ветром.

— Леди Грэм, — его голос был низким и немного хрипловатым, как будто от частого молчания или крика в шторм. Он сделал безупречный, хотя и несколько скупой поклон. — Прошу прощения за внезапный визит. Я только что вернулся с побережья и счел долгом представиться своей новой соседке.

— Никаких извинений не требуется, лорд Редмонд, — Агата ответила с той самой изящной, теплой учтивостью, которая была ее второй натурой. Она протянула руку, и он, склонившись, едва коснулся ее пальцев губами. — Мы весьма рады вашему визиту. Позвольте представить вам мою дорогую компаньонку, мисс Нинель Торнс.

Мне ничего не оставалось, как подняться и сделать реверанс, надеясь, что мои колени не подведут. Я чувствовала, как его взгляд скользнул по мне, неспешный и оценивающий.

— Мисс Торнс, — кивнул он. В его интонации не было ничего, кроме формальной вежливости, но уголок его рта, показалось мне, едва дрогнул.

— Лорд Редмонд, — выдохнула я, с трудом выдавливая из себя звуки.

— Прошу, присоединяйтесь к нам, — пригласила Агата, указывая на свободное кресло. — Мы как раз пьем чай.

Он сел с той же естественной, почти хищной грацией, с какой выходил из воды. Его движения были экономными и точными. Миссис Бернс, появившись словно из ниоткуда, бесшумно поставила перед ним дополнительную фарфоровую чашку и блюдо.

Некоторое время в комнате царила тишина, нарушаемая лишь легким звоном ложек. Я сконцентрировалась на том, чтобы аккуратно положить себе малиновое варенье, хотя руки слегка дрожали.

— Вы упомянули, что вернулись с побережья, лорд Редмонд, — начала Агата, искусно наполняя паузу. — Надеюсь, ветер не был слишком суров для прогулки?

— Ветер здесь всегда суров, леди Грэм, — ответил он, беря свою чашку. Он держал ее крупными, сильными пальцами, покрытыми старыми шрамами и мозолями, и этот контраст с изящным фарфором был поразителен. — Но сегодня он был... освежающим. Особенно после купания.

Я чуть не поперхнулась чаем. Агата бросила на меня быстрый предупреждающий взгляд.

— Купание в такое время года? — спросила она, поднимая бровь. — Должно быть, вы обладаете поистине нордическим здоровьем.

— Привычка, — коротко ответил он. Затем его взгляд медленно, неотвратимо переместился на меня. — Вода в Соколиной бухте, впрочем, всегда чуть теплее, чем в открытом море. Это одно из ее преимуществ. И одно из немногих мест, где можно насладиться уединением.

Я почувствовала, как по моей спине пробежал холодок.

— Соколиная бухта? — переспросила Агата, делая вид, что слышит это название впервые. — Должно быть, живописное место.

— Очень, — согласился он, не отводя от меня глаз. Его взгляд был тяжелым и прямым, как удар. — Хотя сегодня мое уединение было... неожиданно нарушено. Мимолетным видением. Оно исчезло так же стремительно, как и появилось, не дав мне возможности даже представиться. Совсем как испуганная лань.

Его слова не были обвинением. Они были... констатацией факта, приправленной легкой, почти неуловимой иронией. Мне показалось, что в глубине его темных глаз на мгновение вспыхнула искорка – не злого, а скорее охотничьего интереса.

Щеки мои вспыхнули с новой силой. Я опустила глаза на свою чашку.

— Возможно, это видение просто сочло ситуацию... двусмысленной, лорд Редмонд, — мягко вступила Агата, приходя мне на помощь. — И предпочло удалиться, чтобы не смущать и не быть смущенным. Инстинкт самосохранения, так сказать.

Он наклонил голову, словно обдумывая ее слова.

— Разумно, — наконец произнес он. — Хотя я всегда считал, что лучший способ разрядить двусмысленность – это встретить ее лицом к лицу. А не убегать, спотыкаясь о прибрежные камни. Можно и шею сломать.

Теперь он говорил смотря прямо на меня, и в его голосе зазвучали откровенные, хоть и приглушенные, нотки насмешки.

Я заставила себя поднять на него взгляд. Встретиться с этим взглядом лицом к лицу, как он и сказал. В груди все колотилось, но я собрала всю свою волю.

— Возможно, вы правы, лорд Редмонд, — сказала я, и мой голос, к моему удивлению, прозвучал почти ровно. — Но иногда инстинкт побега оказывается сильнее доводов рассудка. Особенно когда рассудок... временно отказывается служить.

На его лице, наконец, появилось нечто, отдаленно напоминающее улыбку. Она не была дружелюбной, но в ней читалось уважение к парированию.

— Понимаю, — сказал он. — Морской воздух иногда оказывает такое действие на непривыкших. Дезориентирует.

— О, не сомневаюсь, — ответила я, чувствуя, как смелость, подпитываемая досадой, толкает меня продолжить диалог. — Как и некоторые... неожиданные морские пейзажи.

Леди Агата тихо ахнула, прикрыв рот платочком, будто поперхнувшись. Взгляд лорда Редмонда сверкнул острее. Он пристально смотрел на меня несколько секунд, а затем издал короткий, низкий звук, который можно было принять за сдержанный смех.

— Кажется, я начинаю понимать, мисс Торнс, — медленно проговорил он. — Вы не совсем та... испуганная лань, за которую можно было бы вас принять с первого взгляда.

Он отпил глоток чая, поставил чашку и поднялся с тем же неспешным достоинством.

— Леди Грэм, мисс Торнс, благодарю за гостеприимство и чай. Мой визит, надеюсь, разрядил некоторую... атмосферную неопределенность.

Он поклонился сначала Агате, потом, чуть менее формально, мне.

— Надеюсь, в следующий раз, если наши прогулки снова пересекутся, мы сможем представиться друг другу должным образом. Без спешки и... спотыканий.

С этими словами он развернулся и вышел из гостиной, оставив после себя легкий запах моря и ощущение едва отгремевшей, но отнюдь не законченной бури.

Дверь закрылась. Я выдохнула, словно продержавшись все это время без воздуха.

— Ну что, моя дорогая, — сказала Агата, и в ее глазах плясали веселые огоньки. — Похоже, ты только что провела свою первую дуэль с лордом Каледом Редмондом. И, должна признать, вышла из нее с достоинством. Хотя, — она понизила голос до шепота, — я все же советую какое-то время обходить Соколиную бухту стороной. На всякий случай.

Дверь в гостиную снова распахнулась, на этот раз с более привычным, энергичным стуком.

— Агата, дорогая, ты не поверишь, с кем я только что разминулся у наших ворот... — начал Генри Грэм, входя в комнату и сбрасывая с плеч дорожный плащ. Его взгляд, перебегая с жены на меня, внезапно остановился, а брови взметнулись вверх. — Погодите-ка. Неужели у нас *только чтобы* сам лорд Редмонд? Я видел, как он верхом удалялся по дороге. От него, прости господи, будто морским штормом веяло.

— Самолично, — подтвердила Агата, и в ее тоне вновь заплясали те веселые огоньки. — Сделал визит вежливости. Представился новой соседке, — и кивнула на меня, давая понять с кем именно он желал познакомиться.

Генри присвистнул, опускаясь в кресло, которое только что покинул лорд Каледб.

— Вот это сюрприз. Он, кажется, последние пять лет избегал соседских визитов как чумы. Что случилось? Неужели наша скромная персона его так заинтриговала?

— Скорее, наша Нинель, — улыбнулась Агата, кивая в мою сторону. — Их... знакомство, как выяснилось, уже состоялось. При несколько необычных обстоятельствах.

Генри с интересом уставился на меня. Пришлось, краснея, вкратце, под чутким руководством Агаты, пересказать суть диалога, опуская самые пикантные детали в бухте, но сохраняя атмосферу легкого фехтования словами.

— «Неожиданные морские пейзажи»? — Генри расхохотался, хлопнув себя по колену. — Браво, мисс Торнс! Дерзко. Очень дерзко для первого разговора с Каледбом Редмондом. Он, говорят, на дуэлях за меньшее людей на шпагу нанизывал. Ну, в молодости, конечно, — поспешно добавил он, заметив мой испуганный взгляд.

— Оставим пока нашего соседа, — Агата искусно сменила тему, но в ее глазах читалось удовлетворение от того, как разворачивались события. — Где ты пропадал, Генри? Я ожидала тебя к обеду.

Лицо Генри сразу посерьезнело. Он провел рукой по волосам.

— У Симона. Дела плохи, Агата.

В комнате повисла тревожная тишина.

— С Симоном? — спросила леди Грэм, вся внимание. — Что случилось?

— Его брат, молодой Томас, — начал Генри, понизив голос. — Охотились вчера, чуть дальше, в лесу. Конь оступился. Мальчика выбросило из седла, он ударился о склон, а потом на него еще и конь рухнул.

Я невольно застыла, слушая. Мой внутренний врач, тот самый, что жил за фасадом Нинель Торнс, мгновенно проснулся, анализируя возможные повреждения.

— Жив? — одним словом выдохнула Агата.

— Жив, слава богу, — кивнул Генри. — Но нога... Его принесли в дом, он в жару, бредит. Местный хирург вчера смотрел — говорит, перелом сложный, со смещением. Нога вся посинела, распухла страшно. Доктор наложил лубки, но Симон в панике. Боится, что брата будут резать и он того и гляди... ногу потеряет. Я как раз от них, пытался как-то успокоить.

Слова «посинела», «распухла» зажгли в моем сознании красную лампу. Это звучало как потенциальное повреждение артерии или, что более вероятно, компартмент-синдром — опасное состояние, когда из-за отека в замкнутом фасциальном пространстве нарушается кровоснабжение. Без быстрого вмешательства это гарантированно вело к некрозу и потере конечности.

— Его нужно осмотреть, — сказала я прежде, чем успела обдумать. Голос прозвучал твердо, без тени смущения.

Чета Грэма повернулись ко мне.

— Нинель, дорогая, — мягко начала Агата. — Я понимаю твое сострадание, но это дело для опытного хирурга...

— Именно поэтому, — перебила я, уже поднимаясь. Во мне говорил не просто порыв, а профессиональная необходимость. Каждая секунда могла быть на счету. — Простите, Агата

Генри. Если мы сейчас не поедem к ним, то Томас может потерять не только ногу. Я видела подобные травмы. То, что вы описали... если доктор неправильно наложил шину, если там поврежден крупный сосуд или началась гангрена... Томасу грозит не просто хромота. Ему грозит ампутация. Или сепсис. Он может умереть.

В тишине, последовавшей за моими словами, был слышен лишь треск поленьев в камине. Генри и Агата смотрели на меня с новым, изучающим интересом.

— Ты уверена в своих знаниях ? — спросил наконец Генри, без тени насмешки, очень серьезно.

Я встретила его взгляд.

— Уверена. Я не могу обещать чуда. Но я могу оценить ситуацию. И, возможно, сделать то, что спасет ему ногу. Если, конечно, Симон позволит.

Агата молча смотрела на меня несколько мгновений, а затем решительно кивнула. В ее глазах читалась решимость и доверие, которые тронули меня до глубины души.

— Тогда едем. Генри, вели подавать карету. Самую быструю. И возьми с собой наш дорожный медицинский сундучок. В нем есть чистые бинты, ножницы, спирт.

— Но, Агата, репутация... — начал было Генри.

— Репутация не стоит жизни Томаса, — отрезала она, уже направляясь к выходу, чтобы накинуть плащ. — А Нинель... в ней сегодня столько решимости, что хватило бы на целый полк. И знаешь, после ее «дуэли» с лордом Редмондом я склонна ей верить. Поехали.

Через пятнадцать минут мы мчались в карете по ухабистой дороге к дому Симона. Я сидела, сжав в потных ладонях кожаный ремешок медицинского сундучка, который Генри поставил рядом. За окном мелькали угрюмые вересковые пустоши и темные сосновые боры, на которые уже напоззали сумерки. Страх и ответственность сжимали мне горло, но под ними, как стальной стержень, жила твердая уверенность. Я была врачом. И где-то там ждал пациент. Остальное — условности, предрассудки и призраки прошлого — должно было подождать.

В доме Симона мы появились уже когда начало смеркаться. Это был не дворец, но крепкое, добротное жилище работника — низкие потолки, потертые половицы, пахло дымом, воском и лечебными травами. Вся обстановка кричала о мужском, холостяцком быте, если не считать аккуратно сложенного на сундуке вязания, вероятно, работы какой-то сердобольной соседки.

Симон, коренастый, могучий мужчина лет сорока с руками, покрытыми ссадинами и следами от щепок, встретил нас у дверей. Его лицо, обычно спокойное и уверенное, было искажено страхом и бессонницей.

— Мистер Грэм, это вы? — его голос был хриплым от переживаний. Взгляд скользнул по Агате и задержался на мне с немим вопросом. — Симон, это леди Грэм и мисс Торнс, — поспешно представил Генри. — Мисс Торнс... имеет опыт в лечении подобных травм. Она хочет взглянуть на Томаса.

В глазах Симона вспыхнула дикая, почти животная надежда, тут же погашенная горьким скепсисом.

— Доктор из города уже был, — пробормотал он, отводя взгляд. — Сделал, что мог. Говорит, дальше — как бог даст.

— Симон, — мягко, но твердо вступила я, делая шаг вперед. Я больше не могла позволить себе робость Нинель. Здесь нужен был другой человек. — Я не доктор из города. И я не буду тебе врать. Но я знаю, что иногда, если действовать быстро, можно спасти то, что кажется уже потерянным. Позволь мне просто взглянуть. Только взглянуть.

Он смотрел на меня, на мои простые, не рабочие руки, на мое платье компаньонки. Борьба читалась в каждой морщине его лица. Наконец, он беззвучно кивнул и отступил в сторону, пропуская нас в крохотную спальню.

Воздух здесь был густым, спертым и тяжелым — запах пота, крови, гноя и какой-то сладковатой, тошнотворной гнили. На узкой кровати, под грубым одеялом, лежал молодой парень.

Томасу было лет двадцать. Его лицо было бледным, как воск, покрытым испариной. Он бредил, бормоча что-то невнятное про коня и лес. Но главное было не в лице. Главное была его левая нога.

Она лежала на подушках, и вид ее заставил мое сердце подпрыгнуть в груди. Голень была уродливо изогнута, вся распухшая, напряженная, как перезрелый плод. Кожа на ней была темно-багровой, местами синюшной, лоснящейся и натянутой до предела. На ощупь, как я осторожно убедилась, она была холоднее, чем должна была быть. Шина, наложенная доктором, представляла собой две грубые дощечки, стянутые тряпками. Они не фиксировали, а сдавливали и без того переполненные отеком ткани.

— Когда он последний раз чувствовал пальцы на ноге? Мог ли пошевелить ими? — спросила я, не отрывая взгляда от конечности.

Симон, стоявший в дверях, мрачно покачал головой.

— С самого утра жалуется, что нога будто чужая, онемела. А пальцами... и не пробовал. Больно очень.

Это было плохо. Очень плохо. Все признаки острой ишемии и нарастающего компартмент-синдрома были налицо. Давление в мышечных футлярах росло, пережимая сосуды и нервы. Каждый час уменьшал шансы на спасение ноги. Шансы уже таяли на глазах.

— Мне нужен кипяток. Много чистой, прокипяченной воды. Чистые, свежестиранные и проглаженные утюгом полотняные тряпицы. Ножницы. И спирт, если есть, — проговорила я скороговоркой, скидывая дамские перчатки и подходя к сундучку, который принес Генри.

— Симон, Генри, прошу, помогите. И, Агата... тебе, наверное, лучше подождать в другой комнате.

Леди Грэм молча кивнула и вышла. Я вообще не понимала зачем она поехала с нами, я возражала, но она уперлась, а спорить не было времени.

Я открыла сундучок. Там было все, о чем я могла мечтать в этих условиях: острые хирургические ножницы, пинцеты, несколько чистых скальпелей в кожаном чехле, шелк для швов, бинты, пузырек с карболовой кислотой и фляжка с крепким виски. Это было сокровище.

— Симон, я должна снять эти лубки, — сказала я, поворачиваясь к нему. — Они давят. И мне нужно осмотреть ногу без них. Это будет очень больно для него. Тебе, возможно, придется его держать.

Симон молча подошел к изголовью, взял брата за плечи. Его лицо было каменным. Я набрала воздуха, молитвенно вспомнила все, чему меня учили, и приступила.

Разрезать тряпки было легко. Сложнее было видеть, как под ними кожа почти не имела ямки при надавливании — классический признак. Когда последняя повязка упала, я услышала, как генри тихо ахнул. Картина была хуже, чем я предполагала. Посреди багровой опухоли зияла глубокая, рваная рана, из которой сочился мутный, зловонный экссудат. Началась инфекция. И где-то под этим всем был сложный перелом, возможно, осколочный.

Я промыла рану кипяченой водой с карболовой кислотой, удаляя сгустки и гной. Томас стонал и дергался, но Симон держал его с силой, которой позавидовал бы иной бульдог. Потом настал самый ответственный момент — оценка кровоснабжения. Я осторожно надавила на ногтевое ложе большого пальца. Оно побелело и не розовело снова. Плохой знак. Я приложила ухо к коже ниже колена, пытаясь услышать хоть какой-то шум крови. Тишина.

Нужно было снимать давление. И немедленно.

— Симон, Генри, — сказала я, и голос мой звучал странно спокойно в собственных ушах. — Я должна сделать фасциотомию. Разрезать фасции, оболочки мышц, чтобы снизить давление внутри. Иначе нога умрет сегодня же ночью.

Симон замер. В его глазах бушевала буря. Довериться ли этой странной девушке с решительными глазами, которая говорила непонятные слова, или положиться на волю божью и ждать конца? — Делайте, — вдруг прокричал Томас. — Делайте, мисс. Всё, что можете.

Симон лишь кивнул, подтверждая слова младшего брата.

Я взяла скальпель. Лезвие блеснуло в свете масляной лампы, которую держал Генри. Обезобразила лезвие, насколько это было возможно, я пометила линию разреза — по наружной стороне голени, там, где риск задеть крупные сосуды был минимален. Глубокий вдох.

Лезвие вошло в натянутую кожу. Раздался странный, хлюпающий звук, и из разреза хлынула темная, почти черная жидкость, смешанная с кровью. Это был не гной, а серозно-геморрагический выпот — результат чудовищного отека. Томас закричал, дернулся, но давление уже делало свое дело. Я расширила разрез, осторожно рассекая плотную фасцию. Под ней лежали бледные, отечные мышцы. Но по мере того как я освобождала их из тисков, в них, казалось, начала возвращаться жизнь — крошечные капилляры наполнялись, цвет постепенно менялся с мертвенно-бледного на более розовый.

Я работала быстро, точно, почти автоматически. Промыла полость имеющимся антисептиком, дренировала ее стерильной (я очень на то наделась) полоской полотна. Потом, уже с дрожью в руках от напряжения, принялась за перелом. Пришлось делать небольшую репозицию подручными средствами — Генри стал моими зажимами, удерживая отломки, пока я накладывала новую, уже правильную шину из двух деревянных планок и мягких валиков, которые не пережимали ткани. Шину я зафиксировала бинтами, оставив доступ к ране и разрезу.

Когда все было закончено, я выпрямилась. Спина ныла, руки были в крови до локтей, а перед глазами плясали черные точки. Но я смотрела на ногу Томаса. Она все еще была ужасна — синяя, опухшая, с зияющими разрезами. Но напряжение спало. Кожа ниже колена уже не была ледяной. А когда я снова надавила на ноготь, он, хоть и медленно, но порозовел.

Это был знак. Кровоток восстанавливался.

— Теперь все зависит от него, — выдохнула я, отступая к тазу с водой, чтобы вымыть руки. Голос сорвался. — И от ухода. Менять дренажи, промывать рану карболовой кислотой каждые несколько часов. Давать много пить. И молиться, чтобы инфекция отступила.

Симон стоял у кровати, глядя на брата, потом на меня. Слезы, текли по его щекам, оставляя блестящие дорожки на грубой коже.

— Он... он выживет? — спросил мужа, и в его голосе не было ничего, кроме смиренной просьбы.

— У него есть шанс, — ответила я честно. — Шанс на жизнь. И, если мы будем очень осторожны и очень внимательны, шанс сохранить ногу. Не красивую, возможно, хромую, но свою.

Он не сказал «спасибо». Он просто подошел, взял мою окровавленную, дрожащую руку и прижал ее ко лбу. Этот немой жест значил больше всех слов в мире.

Агата молча обняла меня за плечи, когда мы вышли в главную комнату. Я была истощена, вся в чужой крови и поту, но внутри пылало странное, чистое пламя — пламя выполненного долга. Я спасла его. Или, по крайней мере, дала ему бой.

— Теперь, нам надо придумать, — тихо сказала Агата, усаживая меня на лавку и подавая кружку горячего чая, который успела приготовить, пока мы делали операцию. — Как мы объясним всем вокруг, откуда обычная девушка из приюта, ставшая компаньонкой знает медицинские термины и умеет резать людей, как заправский хирург?

Я смотрела на пар, поднимающийся от чая, на свои все еще дрожащие руки. Кажется, я сейчас не только спасла Томаса, но и навлекла на себя неприятности.

Глава 6.

Следующий день наступил с туманным, влажным рассветом. Адреналин, который поддерживал меня вчера, словно кофеин, схлынул, оставив после себя лишь изможденную пустоту и дрожь в коленях. Я спала урывками, ворочаясь на постели, и каждое движение сопровождалось вспышкой боли в мышцах — следы напряжения во время операции.

Агата уже была в гостиной, когда я спустилась. Она выглядела свежей и собранной, но в ее глазах читалась тревога, более глубокая, чем просто беспокойство за Томаса.

— Дорогая, ты выглядишь как после битвы, — сказала она, подавая мне чашку крепкого чая. — Генри уже съездил к Симону рано утром. Томас в сознании, температура немного спала. Он даже пытался шевелить пальцами на ноге. Симон говорит, что кровь в ране уже не такая темная.

Это была хорошая новость. Но она не могла полностью затмить холодный страх, который начал просачиваться в меня с самого пробуждения. Не страх за пациента, а страх за себя. Я нарушила не просто правила этикета. Я нарушила закон.

— Я должна его увидеть, — сказала я, отпивая чай. Голос был тихим, но твердым. — Проверить дренажи, оценить состояние. Возможно, промыть рану еще раз.

Агата взглянула на меня с тем же изучающим выражением, что было вчера после разговора с лордом Редмондом.

— Генри уже ждет в карете. Он собирался ехать к Симону снова, проверить, как там дела. Он предложил отвезти вас.

Я встретила ее взгляд.

— Вы же не планируете ехать снова? Вчера вам было тяжело там находиться.

Агата хотела возразить, но затем ее лицо смягчилось. Она понимала. Это была не просто медицинская проверка. Это был момент, когда мне нужно было взглянуть на последствия своих действий, оценить их без прикрытия азарта и спешки.

— Вы правы, — сказала она наконец. — Мне лучше остаться. И тебе... тебе лучше поговорить с Генри. Он знает больше о том, какие риски ты взяла на себя.

Мы проехали ту же дорогу, что и вчера, но теперь она казалась знакомой и менее угрожающей. Туман висел над вересковыми пустошами, превращая мир в серебристо-серый полотно. Генри молчал первые несколько минут, погруженный в свои мысли, но затем он взглянул на меня с серьезным выражением лица.

— Нинель, — начал он, и его голос был мягким, но без колебаний. — Я говорил с Симом сегодня рано утром. Он благодарен. Но я также сказал ему, что если кто-то узнает о том, что вы провели операцию на его брате, это будет чревато крупными неприятностями.

Я смотрела на него, не понимая полностью.

— Что это значит?

— Я значит, что если кто-то узнает, что девушка, не имеющая официального медицинского образования, провела хирургическую операцию на мужчине, вы можете быть осуждена за незаконное медицинское вмешательство, — сказал Генри, его слова были прямыми и без украшений. — В лучшем случае, вас могут заключить в тюрьму за мошенничество и нарушение закона. В худшем... вас могут обвинить в преднамеренном причинении увечья, если что-то пойдет не так.

Мое сердце замерло. Я знала, что практика медицины без разрешения была рискованной, но я не думала, что это могло привести к таким серьезным последствиям. Да и к тому же я женщина, а в это мире к ним относились очень снисходительно и до сих пор были мужские и женские профессии. Ну так вот врач- это как раз мужская профессия.

— Но я спасала его жизнь, — сказала я. — Я сделала все, что могла, чтобы помочь.

Генри взглянул на меня с пониманием, но также с печалью.

— Я знаю, Нинель. И я верю, что вы сделали правильно. Но законы здесь строги, и они не всегда учитывают мотивы. Если местный хирург узнает, что вы вмешались в его дело, он может подать обвинение. И тогда все ваши действия будут рассмотрены через призму закона, а не через призму человечности.

Я сидела, сжав руки, ощущая холод, проникающий в мои пальцы. Это был не просто страх. Это было понимание, что моя прошлая жизнь, мои знания, которые я считала своим спасением, могли стать моим проклятием.

— Что мне делать? — спросила я, мой голос был тихим, почти беззвучным.

— Симон согласился не рассказывать никому о вашем участии, — сказал Генри. — Он всем будет говорить, что это был местный врач, который вернулся и сделал дополнительные процедуры. Мы должны поддерживать эту версию. Агата уже распространяет слух, что вы просто были там как компаньонка, чтобы поддержать ее морально, когда она поехала проведать больного.

Это был план. Но он был хрупким, как стекло. Любой неосторожный шаг мог разрушить его.

— А если Томас... если он не выживет? — спросила я, мои слова были полны страха.

Генри взглянул на меня с твердым выражением.

— Тогда мы должны быть готовы к худшему. Но сейчас мы должны надеяться на лучшее. И вы должны быть осторожны. Не показывайте свои знания слишком явно. Не говорите о процедурах с людьми, которые могут не понять.

Карета остановилась перед домом Симона. Я вышла, ощущая тяжесть не только физическую, но и моральную. Дом казался тихим, но внутри была жизнь. Томас лежал на кровати, его лицо было менее бледным, и он даже пытался улыбаться, когда я вошла.

— Мисс Торнс, — сказал он, его голос был слабым, но ясным. — Я чувствую... я чувствую ногу. Она не такая холодная.

Я проверила дренажи, промыла раны, оценила состояние. Все было как должно быть. Нога начала восстанавливаться, цвет улучшился, и Томас был в сознании. Это был хороший знак.

Когда я закончила, Симон стоял рядом, его лицо было серьезным.

— Мисс, я не забуду, что вы сделали, — сказал он. — Но мистер Грэм сказал... я понимаю. Я буду молчать.

Я взглянула на него, ощущая смесь благодарности и страха.

— Спасибо, Симон. Но помните... если что-то пойдет не так, вы должны сразу сказать мне. Мы должны быть готовы к любым изменениям.

Мы вернулись в карету, и молча двинулись в обратную дорогу. Воздух был тяжелым, но не из-за тумана, а из-за понимания рисков, которые я взяла на себя.

Когда мы вернулись в дом, Агата встретила нас с облегчением, но также с беспокойством.

— Все хорошо? — спросила она.

— Все хорошо, — сказал Генри. — Но мы должны быть осторожны. Нинель, помни то, о чем я тебе говорил в карете.

Я взглянула на них, на этих двух людей, которые стали моими защитниками, моими друзьями в этом новом мире.

— Я понимаю, — сказала я. — И я благодарна вам за все. Но я также знаю, что я не могу остановиться. Если есть люди, которые нуждаются в помощи, я должна помочь.

Агата взглянула на меня с уважением, а Генри с пониманием.

— Тогда мы будем рядом, — сказала Агата. — Но мы должны продумать все и защитить тебя, пока ты защищаешь других.

Недели, последовавшие за операцией, превратились для меня в ритуал постоянной настороженности и скрытой заботы. Каждое утро под предлогом прогулки или «сбора целебных трав» я отправлялась к дому Симона. Генри, понимая необходимость конспирации, оставлял меня у развилки дороги, и последнюю милю я шла пешком, озираясь, не следит ли кто.

Томас медленно, но верно шел на поправку. Цвет вернулся в его щеки, а главное — в его ногу. Отек спадал день ото дня, рана затягивалась здоровой розовой тканью, без признаков гнилостной инфекции. Дренажи я сняла на десятый день. Он уже мог шевелить пальцами, а к концу второй недели с помощью плеча и костыля, сколоченного Симоном, делал первые робкие шаги по комнате. Каждый раз, видя его прогресс, я чувствовала смесь глубочайшего облегчения и гордости, омраченную постоянным, фоновым страхом разоблачения.

На третью неделю, в ясный, солнечный день, когда в воздухе уже витало предчувствие осени, произошло то, чего я одновременно ждала и боялась.

Я как раз заканчивала перевязку — Томас сидел на краю кровати, его нога, всё ещё исчерченная шрамами и следами разрезов, но уже однозначно *живая*, покоилась на табурете, — когда в окне мелькнула тень. Симон, стоявший у печи, напрягся.

— Кто-то идёт, — глухо произнёс он.

Сердце у меня ушло в пятки. Быстрым, отработанным движением я спрятала инструменты в корзину под видом трав, набросила на Томаса одеяло, прикрыв ногу, и взяла в руки пустую кружку, изображая, что просто поднесла больному питьё.

В дверь постучали. Негромко, но настойчиво. Симон метнул на меня вопросительный взгляд. Я кивнула.

Вернувшись к табурету, я притворилась, что поправляю одеяло на Томасе, когда Симон открыл дверь.

На пороге, залитый осенним солнцем, стоял Калёб Редмонд.

Он казался ещё более высоким и внушительным в низком проёме хижины. Его взгляд, холодный и оценивающий, скользнул по Симону, затем проник в полумрак комнаты, задержавшись на мне, а затем на Томасе, лежавшем на кровати.

— Симон, — кивнул он, его бархатный голос звучал нейтрально. — Надеюсь, не помешал.

— М-милорд? — Симон замер, явно ошеломлённый визитом хозяина Верескового замка. Визитом, не предвещающим, как правило, ничего хорошего для простых арендаторов.

— Мне нужен твой навык, — сказал Редмонд без предисловий, переступая порог. Воздух в комнате словно сгустился. Он снял шляпу, и его пронзительные серые глаза теперь пристально изучали Томаса. — Одно из окон в восточном крыле замка совсем разохлось. Сквозит. Говорят, ты лучший плотник в округе. Справишься?

Симон, сбитый с толку таким поворотом, растерянно кивнул.

— Справлюсь, милорд. Когда прикажете?

— Завтра, с утра. Привези свой инструмент.

— Слушаюсь.

Калёб Редмонд медленно перевёл взгляд на меня. Я чувствовала, как под его взором каждая мышца напрягается.

— Мисс Торнс. Для меня стало неожиданностью встретить вас здесь. Вы тоже заказываете у Симона плотницкие работы?

В его тоне не было открытой насмешки, но была лёгкая, едва уловимая провокация. Я поднялась, стараясь, чтобы голос звучал естественно.

— Нет, милорд. Я... навещала Томаса. Он повредил ногу, и миссис Грэм просила меня иногда присматривать за ним, приносить отвары.

— Благодарно, — произнёс он, и это слово прозвучало как-то многозначительно. Его взгляд скользнул по корзине у моих ног, где из-под пучков ромашки и тысячелистника про-

глядывал странный металлический блеск – ручка пинцета, который я не до конца прикрыла. Он задержался на нём на долю секунды дольше, чем нужно. Моё сердце замерло. *Он заметил.*

— Я как раз направляюсь к Морской Башне, — неожиданно сказал Редмонд, обращаясь уже ко мне. — По делам к Грэму. Позвольте предложить вам сопровождение. Солнце клонится, а тропинка через вереск – не самое безопасное место для одинокой леди.

Это была не просьба. Это было вежливое, но не допускающее возражений предложение. Отказ мог показаться странным, даже подозрительным, учитывая его статус и формальную причину визита к моим покровителям.

— Вы... очень любезны, милорд, — с трудом выдавила я, чувствуя, как Симон и Томас смотрят на меня с немим сочувствием и тревогой. — Я буду вам признательна.

Собрав свою корзину – теперь я намеренно положила сверху несколько крупных веток папоротника, полностью скрыв её содержимое, – я простилась с мужчинами. Взгляд Симона говорил: «Будьте осторожны».

Мы вышли из хижины на улицу. Редмонд молча указал рукой на узкую тропу, ведущую через пустошь к видневшемуся вдали дому Грэмов, и зашагал рядом, не предлагая руку. Его молчание было тяжёлым, насыщенным невысказанными вопросами.

Первые несколько минут мы шли, нарушаемые лишь шелестом вереска под ногами и криком одинокого ястреба в небе.

— Вы, кажется, стали частым гостем в доме Симона и Томаса, мисс Торнс, — наконец нарушил он тишину. Его голос был спокойным, бесстрастным. — Каждое утро, если верить слухам. Исключительная забота о раненом соседе.

«Слухи. Уже слухи», — пронеслось в голове.

— Миссис Грэм очень сострадательна, — ответила я, глядя прямо перед собой. — А я рада быть полезной.

— Полезной, — повторил он, словно пробуя это слово на вкус. — Да, это про вас. Заметно. Вы, должно быть, обладаете обширными познаниями в... уходе за больными.

Вопрос висел в воздухе, замаскированный под невинное наблюдение.

— Я... много читала, — сказала я осторожно. — У миссис Грэм хорошая библиотека.

— Что именно вы читали, чтобы так уверенно... ухаживать? — он мягко нажимал, как опытный следователь. — Рана, судя по тому, что я мельком видел, была серьёзной. Не простой порез.

Лёд сковал моё дыхание. *Он видел? Как много?*

— Были старые домашние лечебники, травники... — замялась я.

— Травниками, — он кивнул, и в его голосе зазвучала лёгкая, почти насмешливая нотка. — Интересно. Я, конечно, не специалист, но обычно в травниках не описывают процедуры установки... дренажей. Или это новое веяние в фитотерапии?

Я споткнулась о кочку, и он мгновенно, почти машинально, поддержал меня за локоть. Его прикосновение было твёрдым и коротким.

— Осторожнее.

В этот момент ветер откинул край папоротника в моей корзине. Всего на миг. Но этого мига хватило. Между стеблями мелькнул отблеск полированного металла – уже не пинцета, а кончика хирургических ножниц. И стерильная марля, свёрнутая в плотный рулон, которую никак нельзя было спутать с обычными тряпицами.

Я резко накрыла корзину, но было поздно. Я подняла глаза и встретила его взгляд. Он уже смотрел не на корзину. Он смотрел прямо на меня. И в его серых, непроницаемых глазах не было ни удивления, ни гнева. Было... понимание. Холодное, кристально ясное понимание.

— Вы очень... методично собрали «травы», мисс Торнс, — произнёс он тихо, почти задумчиво. — Я видел такие наборы только у военных хирургов.

Внутри всё оборвалось. Страх, острый и безжалостный, впился в горло. Он знал. Он *точно* знал.

— Милорд, я... — я не знала, что сказать. Отрицать было бессмысленно. Его пронизательность была пугающей.

Он не дал мне договорить.

— Я не спрашиваю, откуда у вас эти навыки. И пока что не собираюсь спрашивать, — его голос внезапно утратил оттенок допроса и стал почти обыденным. — Но вам стоит быть осторожнее. Доктор Харгривз из Элмсфорда – человек тщеславный и обидчивый. Он посчитал случай Томаса Кларка своей профессиональной неудачей. Если он заподозрит, что неудача была, скажем так, *скорректирована* посторонним, причём юной леди без диплома... он не остановится, пока не восстановит свою «честь». А закон, увы, будет на его стороне.

Мы уже подходили к калитке сада Морской Башни. Он остановился и повернулся ко мне. Вечернее солнце бросало длинные тени, и его лицо казалось вырезанным из камня.

— Ваши покровители, Грэмы, хорошие люди. Но их влияние не безгранично. Один неверный шаг, одна лишняя болтовня... и вы поставите под удар не только себя, но и их. И этих двух братьев, которые, судя по всему, обязаны вам жизнью.

Его слова были не угрозой. Это была трезвая, беспощадная констатация факта. И самое ужасное, что я знала – он прав.

— Почему вы мне это говорите? — прошептала я, сжимая ручку корзины так, что костяшки пальцев побелели. — Вы же нас почти не знаете.

На его скулах дрогнула тень.

— Я знаю достаточно. Знаю, что в этом графстве слишком много спеси и глупости. И слишком мало реальных дел. И знаю, как выглядит человек, который рискует всем, чтобы сделать что-то настоящее. — Он посмотрел на меня долгим, пронизывающим взглядом. — Будьте умнее, мисс Торнс. Прячьте свои инструменты лучше. И поменьше... болтайте. Даже с такими, как я. Доброго вечера.

Он слегка коснулся пальцами края шляпы, развернулся и зашагал прочь, даже не дожидаясь, когда я войду в калитку. Я стояла и смотрела ему вслед, пока его высокая, прямая фигура не растворилась в сгущающихся сумерках.

В руках я сжимала корзину с моим опасным секретом. Страх никуда не делся. Но теперь к нему примешивалось жгучее, неуместное любопытство. Кто он, этот нелюдิมый лорд, который видит то, чего не видят другие, и предупреждает об опасности, вместо того чтобы донести? И почему его холодная пронизательность пугала меня меньше, чем тупая, предсказуемая угроза со стороны доктора Харгривза? Кстати, надо бы и с ним тоже познакомиться.

Я вошла в дом, твёрдо решив последовать его совету. Молчать. И прятать.

Я легла спать с тяжестью на сердце и корзиной с инструментами, тщательно спрятанной под кроватью. Слова лорда Редмонда звенели в ушах навязчивым, тревожным набатом. Мне отчаянно нужно было обсудить это с Агатой — её острый ум и практичность могли помочь осмыслить эту новую, двусмысленную угрозу.

Однако, когда я постучала в дверь её будуара, горничная, сообщила тихим, сочувствующим шёпотом:

— Леди Грэм уже отдыхает, мисс. Пожаловалась на лёгкую мигрень и усталость. Просила не беспокоить до утра.

Это было нехарактерно. Агата редко отступала перед простой усталостью. Я отметила про себя, что завтра первым делом нужно деликатно выяснить её самочувствие и, если понадобится, осмотреть. Мысль о том, что она могла заболеть, пока я была поглощена чужими проблемами, добавила чувства вины к и без того клубившейся тревоге.

Ночь прошла беспокойно. Сон приходил урывками, перемежаясь с кошмарами, где доктор Харгривз с холодными глазами размахивал обвинительным актом, а лорд Редмонд молча наблюдал со стороны, и невозможно было понять — друг он или судья.

Утро, вопреки моему мрачному настроению, выдалось на удивление тёплым и солнечным. Последнее дыхание уходящего лета наполняло воздух медовым ароматом поздних цветов. Леди Грэм, выглядевшая несколько бледнее обычного, но с привычной твёрдостью в осанке, распорядилась сервировать поздний завтрак на западной террасе.

— Генри уехал в порт, разбираться с поставками шерсти, — сообщила она, отламывая кусочек бисквита. — Остаёмся в приятной женской компании. И, кажется, мы скорее уже обедаем, чем завтракаем.

Солнце ласкало кожу, чай в фарфоровых чашках был душистым, но напряжение во мне не отпускало. Пока служанка удалилась, унося поднос, я не выдержала.

— Агата, вчера... со мной говорил лорд Редмонд.

Она медленно поставила чашку на блюдце. Лёгкая бледность на её щеках, казалось, усилилась.

— Рассказывай, — произнесла она спокойно, но в её глазах вспыхнула мгновенная тревога.

Я пересказала всё, опустив лишь собственный испуг. Описала его неожиданный визит к Симону («ему нужен плотник»), его пронзительный взгляд, заметивший блеск металла в корзине, наш разговор на тропинке и его последние, отточенные как лезвие, предостережения о докторе Харгривзе и последствиях для всех нас. — Он не угрожал, — подчеркнула я в конце. — Он... констатировал. Как будто раскладывал факты на столе. И сказал, что видел такие наборы у военных хирургов.

Агата долго молчала, смотря вдаль, на гребни вересковых холмов. Наконец она вздохнула, и в её голосе прозвучала усталость, которую она пыталась скрыть.

— Он прав в главном. Харгривз — чванливый педант. Его репутация для него дороже жизни какого-то Томаса Кларка. Узнай он правду, он бы сжёг нас на костре общественного мнения, а потом подал бы в суд, просто чтобы доказать свою правоту. — Она повернулась ко мне, и её взгляд стал острым, аналитическим. — Но поведение Редмонда... Это любопытно. И тревожно.

— Тревожно? Но он же предупредил, а не донёс.

— Именно поэтому. Что ему за дело до нас? До тебя? Он — лорд Редмонд. Он живёт в своём замке, правит своими землями и, если верить слухам, презирает местное общество. Его визит к Симону под благовидным предлогом... — Она задумчиво провела пальцем по краю блюдца. — Два варианта. Первый: он действительно случайно всё заметил и, будучи человеком порядочным, хочет предотвратить скандал на своих землях. Второй... — Она запнулась.

— Второй? — тихо спросила я.

— Второй — у него есть свой интерес. Информация — это власть, Нинель. Он теперь знает твой секрет. Секрет, который может разрушить тебя, меня и Генри. И он просто... сохраняет эту информацию. Пока. — Она посмотрела на меня прямо. — Он дал тебе совет. Хороший совет. «Прячьте свои инструменты лучше. И поменьше болтайте». Это значит — продолжайте. Но будьте осторожнее. И будьте у меня на виду.

Меня бросило в холод. Я думала, он проявил неожиданное благородство. Агата же видела в этом потенциальную игру.

— Что же нам делать? — прошептала я.

— Делать? — Агата снова взяла чашку, и её движения вновь обрели привычную уверенность. — Мы делаем именно то, что он сказал. Удваиваем осторожность. Тебе больше нельзя ходить к Томасу одной. Будешь брать с собой служанку, под предлогом сбора ягод или грибов. Инструменты — только в двойном дне, и никогда не раскрывать корзину на людях. А о

лорде Редмонде... — Она сделала глоток чая. — Мы будем вежливы, почтительны и абсолютно закрыты. Никаких лишних разговоров. Если он снова обратится к тебе, ты будешь отвечать учтиво, кратко и ничего не рассказывать о своих делах. Он наблюдатель. Пусть наблюдает. Но не получает новых данных.

Она откинулась на спинку плетёного кресла, и на мгновение её лицо исказила тень боли или усталости. Она быстро сгладила выражение, но я уже заметила.

— Агата, вы сегодня... вы хорошо себя чувствуете? Вы вчера рано легли...

Она махнула рукой, отмахиваясь.

— Пустяки. Переутомилась, не более. Не стоит отвлекаться на мои мигрени. — Она перевела взгляд на меня, и её глаза вновь стали тёплыми. — Ты проделала невероятное, Нинель. Ты спасла человека. Теперь наша задача — защитить это достижение. И тебя. Завтра... завтра мы подумаем, как ты могла бы «углубить свои познания в травничестве» без лишних глаз. У меня есть кое-какие мысли насчёт старых книг в библиотеке моего покойного отца. Но сейчас, — она мягко, но настойчиво поднялась, — мне нужно немного отдохнуть. Солнце, кажется, пригрело сильнее, чем я думала.

Она ушла, оставив меня на террасе с остывшим чаем и тяжёлыми, но теперь хоть немного структурированными мыслями. Страх никуда не делся. Но он приобрёл чёткие границы: доктор Харгривз — явный враг. Лорд Редмонд — тёмная лошадка, потенциальная угроза, но пока что странный союзник. Агата и Генри — мой тыл, моя крепость.

И было ещё одно чувство, упрямое и опасное. Любопытство. Кем был этот лорд на самом деле? Что за «настоящие дела» он ценил? И почему его холодная, аналитическая ясность беспокоила меня меньше, чем открытая враждебность? А доктор Харгривз... С ним, как ни парадоксально, тоже следовало бы познакомиться. Узнать своего врага в лицо.

Я допила остывший чай. Внизу, за садом, лежала деревня, а за ней — дорога на Элмсфорд, где практиковал тот самый доктор. И где-то там, на холме, высился Вересковый замок, из которого на наш маленький мир смотрели пронизательные серые глаза. Игра только началась.

Я осталась на террасе, пытаюсь привести в порядок свои мысли. Солнце медленно катилось по небу, отмеряя время. Два часа. Три. Леди Грэм так и не появилась. Беспокойство, которое я пыталась задавить размышлениями о Редмонде и Харгривзе, стало нарастать, приняв конкретную, тревожную форму.

Тишина в её покоях была неестественной. Агата, даже нездоровая, обычно что-то делала — писала письма, просматривала счета, вышивала. Сейчас же за её дверью стояла гробовая тишь. Я больше не могла ждать.

Поднявшись, я тихо постучала в дубовую дверь.

— Агата? Это я, Нинель. Можно войти?

Пауза затянулась так, что я уже собралась стучать снова, но вот раздался её голос, приглушённый и без обычной энергии:

— Войди, дорогая.

Я осторожно открыла дверь. Комната была затемнена — шторы на окнах были почти задернуты, пропуская лишь полосы пыльного золотого света. Агата сидела в глубоком кресле у камина, в котором не тлело ни одного уголька. Она была в просторном домашнем платье, её руки лежали на подлокотниках, и это отсутствие привычного движения, этой вечной внутренней пружины, пугало больше всего.

— Ты не появилась к чаю, — мягко сказала я, подходя ближе. — Я заволновалась. Как ты себя чувствуешь?

Она подняла на меня глаза. В их глубине не было боли, но была тень, которую я никогда раньше не видела — глубокая, изнуряющая усталость и что-то ещё... растерянность.

— Вроде бы ничего не болит, Нинель. Голова прошла. Но... — Она сделала слабый жест рукой, словно отмахиваясь от невидимого облака. — Наваливается такая усталость. Будто все силы ушли в песок. И не знаю, что с этим делать. Ничего не хочется. Даже думать тяжело.

Это была не та Агата, которая командовала домом с железной волей. Это была испуганная женщина. И это было страшнее любой болезни с явными симптомами.

— Позволь мне тебя осмотреть, — предложила я тихо. — Просто для спокойствия.

Она без возражений кивнула. Я проверила пульс — он был ровным, чуть замедленным, как во сне. Температура ладоней и лба — нормальной. Глаза, горло — без признаков воспаления. Дыхание ровное. Никаких отёков на ногах или руках. Всё было... в порядке. С медицинской точки зрения — в полном порядке. И от этого становилось ещё тревожнее.

— Видишь? — Агата слабо улыбнулась, когда я закончила. — Ничегошеньки. Просто дурею от безделья, наверное, и накручиваю себя.

Но в её глазах я прочитала обратное. Она не «накручивала». Она искала. Искала то, чего боялась больше всего. Она боялась не простой усталости. Она боялась первых, невидимых глазу шупалец того самого «драконьего проклятия» — родовой горячки, унесшей столько других женщин что вынашивали когда-то в себе детей в чьих жилах текла кровь дракона. Она ждала, что вот-вот проявятся скрытые признаки.

— Может, прогуляемся? — предложила она вдруг, с усилием поднимаясь с кресла. — По берегу. Свежий воздух, говорят, лучшее лекарство от хандры. И от глупых мыслей.

Это была её попытка убежать — не от меня, а от собственного страха. Попытка доказать самой себе, что она может двигаться, что она ещё сильна.

— Отличная идея, — тут же согласилась я. — Только возьмём шали, ветер с моря может быть пронизывающим.

Мы вышли через садовую калитку на узкую тропинку, ведущую к обрывистому берегу. Море сегодня было спокойным, свинцово-серым, дышало холодной, солёной влагой. Агата шла медленно, непривычно для себя, опираясь на мою руку не для формальности, а по-настоящему. Мы молчали, слушая крики чаек и глухой рокот прибоя внизу.

— Знаешь, — начала она наконец, глядя на линию горизонта, — есть страх, который сидит внутри. Как червь. И ты не знаешь, реальная это угроза или просто твоя слабость...

— Ты всё выискиваешь в себе признаки... — Она оборвала себя. — Всё это глупости. Прогуляемся до Верескового замка и назад. Должно полегчать.

Я слегка нахмурилась. Вересковый замок — это дом лорда Редмонда. Сама мысль приблизиться к его владениям вызывала неприятный холодок под кожей после нашего странного разговора. Но желание Агаты было столь явным, её потребность в движении и отвлечении — столь сильной, что я не могла отказать.

Тропинка вилась вдоль берега, постепенно поднимаясь к скалистому мысу, на котором стоял замок. Он был не столь грандиозным, как его имя предполагало, скорее, укреплённым каменным домом с башенками и высокими стенами. Сегодня он выглядел особенно неприветливым, тёмным силуэтом против серого неба.

Мы приблизились на расстояние, достаточное чтобы разглядеть сад перед главным входом и часть террасы. Я подняла на нее взгляд, и замерла. Агата увидев мое перекошенное лицо проследила за моим взглядом, и испуганно схватила меня за руку, а вторым прикрыла рот рукой, готовая закричать.

Глава 7.

На террасе второго этажа, у низкого парапета, балансировал, пытаясь удержать равновесие, мальчик лет десяти-двенадцати. Его темные волосы были растрепаны, на лице — смесь страха и озорной решимости. Он был одет в хорошую, но явно потрёпанную и поношенную одежду. Отчего-то я сразу подумала что это сын лорда Редмонда, кажется Агата говорила что его зовут Тоби. Напротив него, медленно приближаясь, двигался мужчина. Кто это был я не знаю, на таком расстоянии и с такого угла я не могла точно разглядеть его лицо. Мне показалось, что у него в руках медицинский шприц или инструмент для инъекций, с длинной, тонко

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.